

*Не мы выбираем любовь—
это она выбирает нас,
и не всегда заботится о взаимности*

ВИКТОРИЯ МАЛЬЦЕВА

АБСОЛЮТ

в моем сердце

Absolute#1

18+

Виктория Мальцева

Абсолют в моём сердце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63462237

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-99627-4

Аннотация

Соня хорошая девочка.

И с семьёй ей повезло, и жизнь у неё беззаботная. Но всё меняется с появлением Эштона – отцовского внебрачного сына.

Когда тебе шестнадцать лет, и разум не умеет договариваться с чувствами – это нормально. Так бывает. Но когда годы идут, тебе вот уже далеко за двадцать, и ничего не меняется – проблем не избежать. А если их не решать, случаются катастрофы.

Будь её воля, она бы взяла часть своей любви и вложила бы её в пустую грудь Эштона. Ни дышать без него, ни петь, только вглядываться в будущее: а вдруг что-нибудь изменится?

Серия "Моногамия".

Содержание

Пролог	4
Часть 1	6
Глава 1. Встреча	6
Глава 2. Откуда взялся Эштон?	20
Глава 3. Помощник	28
Глава 4. Эштон не выходит из моей головы	53
Глава 5. Когда ребёнок болеет...	61
Глава 6. Притяжение	73
Глава 7. Клик-клик	84
Глава 8. Дружба	97
Глава 9. Ожидание	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Виктория Мальцева

Абсолют в моём сердце

Пролог

Необычно красивый августовский вечер балует своим дождливым пейзажем моё отзывчивое к прекрасному сердце. Я сижу на полу у большого окна, скрестив ноги на толстой овчине, подаренной бойфрендом, без пяти минут мужем, сегодня же утром.

– Чтобы тебе теплее мечталось! – вручая подарок, прошептал мне на ухо мой заботливый Антон.

Но мне больше не мечтается: все изменилось! Час назад дверца, ведущая в мир абсолютного счастья, захлопнулась раз и навсегда. И случилось это по вине события, которое большинство любимых и любящих женщин непременно назовут самым важным, трепетным и счастливым моментом своей жизни. Что ж, я смело могу применить к случившемуся те же эпитеты, но истина остаётся истиной: одно счастье навсегда уничтожило другое счастье.

Передо мной на белоснежной пушистой шерсти лежит только один маленький предмет, и как же цинична судьба, вкладывая в него смысл, разворачивающий жизнь женщины на сто восемьдесят градусов: две полосы.

Всё прекрасно в моей жизни: у меня просторная квартира в престижном районе самого претенциозного в мире города, месяц назад мой бойфренд вручил мне кольцо, вопящее своими каратами о его безмерной любви ко мне, и, если учесть, сколько раз он заводил речь о потомстве, моя маленькая новость сведёт его с ума, а меня превратит в богоподобное существо. Сколько девушек и женщин в Нью-Йорке, не раздумывая, поменялись бы со мной местами? А в мире? Разве можно желать большего обычной земной женщине?

Можно.

Ребёнок, чья жизнь ежесекундно растёт во мне, зачат нелюбимым мужчиной.

Не тем, от взгляда которого я цепенею. Не тем, чью фигуру всегда неосознанно ищу в толпе. Не тем, кого вижу в своих снах, но ещё чаще в собственных мечтах. Не тем, каждый звук имени которого заставляет мое сердце петь, а душу горько плакать. Не тем, чьё дитя под моим сердцем, подарило бы мне абсолют моего счастья.

Я люблю безмерно, я люблю безгранично, я люблю без ответа...

Часть 1

Глава 1. Встреча

One Republic – What You Wanted

Surface Opus Orange

Я никогда не забуду тот день... День, разделивший мою жизнь на «до» и «после», ставший Рубиконом, перейдя который, уже нельзя вернуться назад.

День, когда я впервые увидела *его*.

Рождество – самая благодатная и радостная пора в году, особенно когда тебе шестнадцать. Мы живём в большом доме и поэтому подготовку к праздникам обычно начинаем ещё в ноябре. Новогодние ёлки, разноцветные гирлянды, стеклянные шары, фонарики, свечи, огромные олени из белой плетёной лозы, ну и, конечно же, килограммы искусственного снега, потому что живём мы в Сиэтле и самого обычного зимнего атрибута, как правило, практически не видим.

Это Рождество будет особенным, совершенно непохожим на все предыдущие, а всё потому, что всего два месяца назад, в сентябре, в нашей семье случилось очередное непредвиденное и выходящее за все возможные рамки событие – у нас появился новый член семьи!

Нет, мама вовсе не подарила нам маленький комочек счастья, с которым мы могли бы упоительно возиться, катать в колясочке, тискать и спорить друг с другом за право обладания его вниманием, к сожалению, нет – новоявленному брату восемнадцать.

Честно говоря, наша семья и так немаленькая: нас четверо у родителей. Теперь будет пятеро.

Это был самый обычный четверг самого обычного сентября, и ничто не предвещало потрясений. Школьные занятия были окончены, и Стэнтон, наш водитель, уже успел доставить нас с сёстрами домой. Я спокойно пила свой обжигающий чай и выслушивала очередные жалобы Аннабель на невыносимую школьную жизнь, пока Лурдес, переписываясь с тремя мальчишками, собирала в Амазоне корзину своих заказов и болтала по телефону с подружкой. И вот, в тот ранний сентябрьский вечер, заливший море, наш стеклянный дом и его террасы своим мягким золотым светом, традиционную тишину нарушил необычно звонкий голос матери:

– Девочки, у нас гость!

Мы втроём подпрыгнули и кинулись в фойе встречать родителей и того самого гостя, а я – скорее обниматься с отцом, что давно уже стало частью моего обязательного моциона.

Из десяти ежедневных объятий девять раз меня обнимет Алекс и только один мама, если, конечно, не забудет. Нет, моя мать вовсе не злюка, она очень добрая и любящая, но обычно она словно плавает в мечтах, слушает музыку или

решает свои математические задачки с уравнениями, погрузившись полностью в себя. И только если с нами случается нечто нехорошее, она словно просыпается из своего летаргического сна и тут же кидается на амбразуру, чтобы защитить нас, спасти и решить все наши проблемы, причём самым коротким путём и оптимальным способом. А Алекс всегда рядом. Алекс – это внимание, участие, ласка, постоянная и вездесущая забота.

Формально Алекс мой отчим, но я предпочитаю называть и считать его отцом. Он лучший друг, опора и поддержка, самый умный и надёжный человек на земле. Ну, после мамы, конечно.

Он входит первым, и я кидаюсь в его объятия, просто потому что приучена к ним, и потому, что мне не хватает его больших, внушающих уверенность рук. Мне нравится, как он пахнет... домом и добром! Я прижимаюсь к нему, впитывая исходящее от его груди и рук тепло и замечаю на чёрных волосах маленькие прозрачные капельки нашего извечного дождя, и на сердце тут же делается так радостно, празднично! Алекс стискивает меня как всегда крепко, целует в макушку, затем нежно в лоб, и тихо, так, что слышно только нам двоим, приветствует:

– Соняша... Как ты сегодня?

– Отлично! – по обыкновению отвечаю.

– Соня! Соня! – мама настойчиво пытается привлечь моё внимание, и в её голосе я улавливаю нетерпение напололам с

раздражением. – Соня, оторвись от Алекса, у нас гость! Девочки, познакомьтесь, это Эштон!

Моё внимание переключается на молодого человека, стоящего рядом с матерью и не сводящего с неё глаз. Я смотрю и не верю сама себе...

– Эштон – новый студент на моём курсе, – почти торжественно сообщает мама, однако всем уже ясно, что высокий парень с острым пронзительным взглядом и жёстко поджатыми губами стоит посреди нашего холла вовсе не потому, что посещает её лекции, а потому, что у него практически одно на двоих с отцом лицо. Это, как если бы Алекса запихнули в ксерокс, сделали копию, затем эту копию обработали в программе омоложения, убавив лет, эдак, двадцать, и выдали бы обратно.

Лурдес со всей своей детской непосредственностью громко восклицает:

– Они же совершенно одинаковые!

– Лурдес! – тут же одергивает её мама.

Эштон обводит быстрым взглядом дом и вновь фиксирует его на моей матери. Поведение гостя, манера держать себя, оценивающе смотреть, коротко и односложно отвечать, явно транслируют вызов. Не ясно только, кому именно он адресован: нам всем вместе взятым или кому-то особенно отличившемуся?

– София! – представляюсь я, протягивая руку.

Эштон впервые сморит в мои глаза, и это тот миг, когда

один единственный взгляд оказывается способным написать судьбу. Он пригвозждает моё энергетическое тело к стенке, чтобы распять и просканировать, а затем так же внезапно бросить, как и наткнулся до этого. Внушительное время спустя я вдруг соображаю, что не могу сделать вдох – просто не знаю, как!

– Эштон, – уверенно, совершенно безэмоционально и даже где-то лениво произносит гость, обдав моё лицо запахом фруктовой жвачки.

Моя рука всё ещё протянута и ждёт рукопожатия, но Эштон словно не замечает её и продолжает следить за суетой моей излишне заботливой матери. Я ищу ответы на все вопросы, бесконечным потоком возникающие в моей голове, в глазах Алекса, но, к своему удивлению, вместо привычной уверенности и поддержки обнаруживаю в них растерянность и негодование. Отец явно зол и совершенно точно не рад гостю. Чего не скажешь о матери:

– Девочки! Давайте скорее на кухню, быстренько сообразим ужин!

Вообще-то мы могли бы и не готовить, для этого у нас есть Эстела. Эстела – что-то вроде домработницы, но только возведённой в максимально возможный ранг – наш дом и наша семья без Эстелы, кажется, никогда и не существовали. Эстела готовит лучше, чем мама, это правда, но Алекс имеет прямо противоположное мнение – он обожает мамину еду, а мама любит ему угодить, поэтому мы чистим картошку.

Сестры хихикают и шепчут мне на ухо свои совсем не детские шуточки про Эштона: даже им ясно, что мамин новый студент – совершенно очевидно, сын Алекса и наш сводный брат.

Я не знаю, как много в сердечных вопросах решают детали, но, наверное, немало. В тот, самый первый наш вечер, Эштон оказался за столом напротив меня, и даже если бы мне не хотелось так внимательно разглядывать каждую деталь в его облике, я бы всё равно, так или иначе, упиралась глазами в его напряжённое лицо. Он чувствовал себя некомфортно и, казалось, всей душой стремился уйти.

Восемнадцать лет – это такой возраст, когда мальчишка давно уже вырос, но и мужчиной ещё не стал. Эштон высокий, плечистый, но выглядит так, словно рос в высоту слишком быстро, чтобы накопить достаточно веса. У него немного заострённые черты лица, обычная мальчишеская стрижка, короткая, но с довольно длинной чёлкой, которая лишь намекает на то, что его каштановые волосы выются. Самое главное на этом лице – глаза. Они карие и всегда словно чуть-чуть сощуренные – точно, как у Алекса, но намного темнее, и взгляд у них холодный, острый и даже дикий. Его глаза завораживают: хочется, чтоб они смотрели только на тебя и так долго, как только возможно, но, в то же время страшно, каждого даже самого маленького эпизода боишься и ждёшь одновременно.

Иногда мы сталкиваемся взглядами, и он отводит свой

первым, но не сразу. А я хочу, чтобы не сбегал, хочу, чтобы говорил со мной, открыл свою душу, а там, в той душе, даже мне, шестнадцатилетней глупой девчонке ясно, на каком-то подсознательном уровне известно, живёт огромный, неповторимый мир, не рай, но и не ад, а некое чудесное место. И мне бы очень хотелось поселиться в нём. Сейчас, сегодня, в эту секунду, в это мгновение я знаю точно, что хочу стать его частью.

Я ни с кем не встречаюсь и никогда даже не пробовала. Мало того, даже не целовалась. Отец вложил в мою голову немало идей, но самая важная из них состоит в том, что никогда не стоит размениваться, соглашаясь на меньшее, малое, неинтересное, если при этом лишаешь себя возможности получить большее. Но я не хочу большего, я хочу Абсолют!

Зачем бегать на свидания с мальчишками, которые по большей части ни на что и не способны, кроме как слюняво шевелить губами, пихая тебе в рот свой отнюдь не стерильный язык, ну и заливать как круто вчера прошла игра по баскетболу/волейболу/футболу/гандболу? Я пробовала пару раз сходить на дружескую прогулку, но тоска съедала меня всякий раз задолго до того, как романтический интерес имел бы шанс проснуться. Весь окружающий меня контингент — одно сплошное безликое уныние.

И вот, я сижу напротив Эштона, парня с завораживающими своей холодностью глазами, и не понимаю, что происхо-

дит? Почему мир вокруг нас растворяется, оставляя ощущение полёта, будто мы с ним – двое одиноких космических путешественников, и наша цель – далёкая Галактика, находящаяся на карте Вселенной за тысячи световых лет от планеты Земля?

Ему задают какие-то вопросы, он пытается отвечать, но коротко и односложно – мешает акцент и скудный словарный запас, однако в целом Эштон неплохо говорит по-английски.

– А где твоя мама? – внезапно спрашивает Аннабель.

От этого вопроса моя мама вздрагивает – я это замечаю, потому что она сидит рядом со мной – а Алекс шумно набирает воздух в лёгкие: вот и попалась печенька с перчинкой из набора с названием «Жизнь». Отличный вопрос, Аннабель! В десятку!

На самом деле Аннабель мне не родная сестра, она – дочь Алекса, моего отчима, и поскольку её родная мать Габриэль очень занята в бизнесе, на большом семейном совете было решено, что для всех будет лучше, если Аннабель станет жить с нами. И это действительно оказалось оптимальным решением – Алекс перестал разрываться между Аннабель и нами, мама переживать за него, а Габи испытывать чувство вины за голодное и одинокое детство нашей самой младшей сестрёнки.

– Моя мать живёт и работает в Париже, она – дантист, детский – отвечает допрашиваемый.

Вот так. И делов-то! И на вопрос ответил, и натянутую тетиву родительского напряжения оборвал. Надолго ли?

– А когда она придет? – детская простота.

Алекс так усердно поджимает губы, что они белеют. Интересно, каково это – вдруг найти не потерянную годы назад пуговицу, а ... сына?! Своего собственного родного ребёнка, успевшего вырасти за это время во взрослого восемнадцатилетнего парня с умными глазами?

Я не хочу смотреть на мать, почему-то кажется, что ей нужна приватность в эту минуту, и мне не сложно уважать её желания.

– Я не знаю, – отвечает Эштон.

Сложные вопросы – простые ответы. Некомфортная ситуация – непробиваемая выдержка. Неуёмный девчачий интерес – холодный упорный игнор.

Мне нравится его чёлка, определённо нравится. Ловлю себя на мысли, что хочу потрогать её. Нет, даже не так: не только потрогать, а запустить свои пальцы и, пропустив между них эти самые длинные на его голове пряди, пригладить их в направлении макушки. Та дикость, с которой мне хочется совершить этот странный жест, и пугает меня и смешит одновременно.

Мы вновь сталкиваемся глазами, я улыбаюсь паранормальному количеству глупостей в своей голове, и он... он улыбается мне в ответ! Первый и единственный раз за весь вечер он улыбается. Хотя, если быть объективной, эту улыбку

ку сложно назвать приятной: скорее, она – линия рта, сведённая судорогой внезапно нахлынувшей, незваной радости.

Ты ледышка, да, Эштон? Ты дикий, странный, но такой притягательный... Ты горький, тёмный, твёрдый швейцарский шоколад, не так ли? А мне впервые в жизни, впервые в моей истории, хочется тебя растопить и съесть! Потому что на самом деле, ты невыносимо сладкий и нежный, но никто ведь об этом не знает!

– А Эштон теперь будет жить с нами? – Аннабель, похоже, решила осиротеть сегодня – и мать и отец от её вопросов приобретают такой вид, будто оба на грани инфаркта миокарда.

– Мы ещё не говорили об этом, но обязательно обсудим, – поспешно отвечает отец.

– Эштон, у нас полно свободных спален! – подключается мама, но Алексу её инициатива явно не по душе, он кладёт свою руку поверх её, словно пытается остановить.

И наш гость всё это видит, подмечает каждую деталь, мечется взглядом от матери к отцу и обратно, впитывая любую их реакцию. А я слежу за его глазами и вижу всё то, что видит он.

Далее следует неловкий ужин, мама старается изобрести актуальную тему для беседы, расспрашивает Эштона о его жизни, интересах, о том, что он любит, а что нет, стараясь, тем не менее, глубоко не копать, чтобы, не дай бог, не задеть его чувства.

– А когда у тебя День Рождения? – внезапно подсказывает с вопросом Аннабель.

– 27 ноября, – нехотя и даже в некоторой степени небрежно отвечает Эштон.

– Невероятно! У них даже Дни Рождения почти совпадают! – наивно восклицает моя сестра, а я буквально давлюсь зелёной оливкой.

Да уж, сходств действительно более чем достаточно: карий цвет глаз, их разрез, идентичность линий бровей, скул, носа, губ. Эштон, пожалуй, чуть выше Алекса и самую малость уже в плечах, и цвет волос у него каштановый, а не чёрный, как у отца. Ну и, конечно же, Эштон моложе. Настолько моложе, что я не могу выдавить из себя ни слова за ужином, путаю вдохи с выдохами и, то и дело, давлюсь едой, вкуса которой не могу разобрать, потому что усердно ловлю каждый выданный Эштоном звук и смысл каждого произнесённого им с диким акцентом слова. Я потеряна для общества, потеряна для себя и для этого мира, центром которого для меня так неожиданно и так внезапно вдруг стал Эштон.

Алекс – красивый мужчина. Нет, не так! Алекс – очень красивый мужчина, настолько, что в четырнадцать лет меня угораздило в него влюбиться и, конечно же, избавиться от этой тинейджерской зависимости, от нездорового влечения мне смог помочь только сам Алекс. Мы с ним поговорили. Правда, это был разговор длиной в восемь часов: мы ездили в Ла Пуш, тихое, спокойное место, где Алекс любит раз-

мышлять, как он сам мне однажды признался.

В ту нашу поездку, в день своего излечения от первой в моей жизни влюблённости я узнала много подробностей из истории жизни своих родителей: мамы, Алекса и моего родного отца Артёма. Мама никогда бы не рассказала всех тайн, а самой мне никогда не бы пришло в голову, что в основе тех событий лежало одно очень большое чувство, что именно оно стало причиной пережитых семейных катастроф и потрясений. Обычные люди находят друг друга, встречаются, женятся, потом у них рождаются дети, у кого-то раньше, у кого-то позже, у моих же родителей всё не так: у них всё не просто сложно, а гипер-сложно.

Нашу семью не назовёшь обычной и уж точно не упрекнёшь в предсказуемости. Это такая семья, все четверо детей которой объединены не общими генами своих родителей, а их любовью друг к другу. Гены у нас разные, а дом и семья одни на всех. При этом своего отчима я люблю и ценю больше, чем родного отца, моя сводная сестра Аннабель обожает мою мать и недолюбливает собственную, а в сердце Алекса я занимаю больше места, чем сёстры, в чьих жилах течёт его кровь.

Впервые я задалась вопросом, почему в моей семье всё происходит так, как происходит, когда мне было двенадцать лет. Однажды в субботу, вернувшись с уроков по испанскому языку раньше обычного, я застала родителей целующимися на диване в одном из наших просторных холлов. Это не был

типичный клевок в щёку, как у родителей моих друзей: мама и Алекс, мне показалось, были готовы съесть друг друга живьём. Таких поцелуев я даже в кино не видела. Некоторое время спустя я спросила у матери:

– Мам, а почему вы с Алексом расходитесь и жили порознь?

И она не сразу, но ответила:

– Потому что не могли жить вместе.

– Но вы ведь хотели? – мне требовалось понять логику взрослых поступков. Тем более, что я очень хорошо помню то время: как плохо мне было, как чахла и без конца болела мама, как Алекс уезжал на многие-многие месяцы и лишь изредка звонил мне, как снова женился, и как родилась наша с Лурдес сводная сестра Аннабель.

– Хотели, – уверенно ответила мама.

– Тогда почему развелись?

– Это сложно, дочь. Когда-нибудь я расскажу тебе, что произошло, но только для того, чтобы ты не повторяла моих ошибок. А сейчас тебе ещё рано вникать во все это.

Разговор на эту тему больше никогда не возникал, но это вовсе не означало, что мой интерес иссяк. Что ж, он был полностью удовлетворён в тот самый день, когда Алекс раз и навсегда положил конец моей навязчивой детской любви: он рассказал мне все в деталях. Ну, наверное, не во всех, но я все поняла. Осознала, что этот мужчина целиком и полностью, до конца своих дней, до кончиков своих волос, каждой

своей клеткой и каждым атомом своих запахов принадлежит одной единственной женщине, и ею никогда не буду я или какая-нибудь другая девушка. Эта женщина – моя мать.

Мне было 14 лет, но история, которую доверили, раз и навсегда поставила точку в моём желании оказаться «той самой».

Я долго не могла уснуть вечером, а утром проснулась совершенно другим человеком, и Алекс навсегда перестал быть для меня мужчиной и остался лишь другом и отцом. Иногда мне кажется, что я люблю его больше чем маму, больше чем своего родного отца, больше чем всех своих братьев и сестёр вместе взятых, больше чем всю мою семью и себя саму! Потому что Алекс – это целый мир, необыкновенный мир, красочный, яркий, радостный, счастливый как Рождество...

И вот, в тот сентябрьский вечер я узнаю о существовании копии Алекса, которая моложе его самого на 20 лет и явно никому не принадлежит! Вот только мне было невдомёк, что Эштон, на самом деле, вовсе никакая не копия...

Глава 2. Откуда взялся Эштон?

Никто вслух не обсуждает происхождение Эштона. Я долго пытаюсь добиться от матери любых объяснений по этому поводу, но она как скала – непоколебима. Вытерпев неделю, отправляюсь за ответами к Алексу.

Отец работает в кабинете, как обычно, чертит проекты в своём гигантском планшете.

– Это будет жилой дом или офисы? – спрашиваю.

– Конечно, жилой. Ты же знаешь, Соняш, я теперь строю только дома для жизни, а офисами пусть занимаются другие архитекторы.

– А что это за стержень посередине?

– Это не стержень, а основа. Ну, вообще-то, в некотором роде стержень – ты права. Квартиры будут вращаться вокруг своей оси, давай покажу.

И Алекс показывает мне 3D видео, рассказывающее о концепции его проекта.

– А зачем это нужно? – спрашиваю.

– Ну, во-первых, это удобно: хочешь солнце – поворачиваешься к нему, не хочешь – отворачиваешься. Плюс экономия энергопотребления.

– А Эштон откуда взялся?

Алекс тут же меняется в лице, его тёплая улыбка гаснет, он морщит лоб и замечает:

– Ты точно, как твоя мама: никаких плавных переходов, сразу трескаешь по лбу!

– Так откуда?

– Из прошлого.

– Он твой сын?

– По всей видимости, да.

– Ты не знаешь точно?

– Нет.

– Но ты узнаешь?

– А как ты думаешь, это уместно? На моём месте стала бы ты это делать?

– Нет.

– Ну, вот и я тоже.

– Помнишь, ты рассказывал мне о важности защищённого секса?

– Конечно, помню. А что такое? Ты...

– Нет не я, а ты! Так откуда Эштон?

Алекс вздыхает, молчит некоторое время, затем поднимается и, засунув свои ладони в карманы брюк, подходит к панорамной стене. Молчит, глядя на море, затем внезапно отвечает:

– Знаешь, случаются такие моменты в жизни, когда ты эмоционально настолько истощён, что теряешь контроль. Перестаёшь заботиться о важных вещах, кажется, что ничто больше не имеет значения, и ты просто делаешь то, что хочется в эту секунду, не задумываясь о последствиях. Это был

как раз такой момент.

Какое-то время мы молчим, потом он продолжает:

– Мать Эштона – та самая женщина, которая помешала твоей матери принять важное решение. Я всегда думал, что это же самое решение являлось единственно верным... но только не для тебя, Соняш!

Алекс внезапно оборачивается, смотрит мне в глаза уже совершенно другим взглядом – живым, даже в некоторой степени озорным, и добавляет:

– Ты только подумай, Соняш! Тебя бы не было, не было бы Эштона, если бы твоя мама сказала одно короткое, но такое большое «да» в тот день!

– Но были бы другие...

– Да, возможно. Это были бы наши с твоей матерью совместные дети. Но тебя бы не было! А я не представляю нашей жизни без тебя, понимаешь? И не хочу представлять!

– А без Эштона?

– Сонь... Ты росла на моих глазах, какое-то время даже в моих руках. А Эштона я не знаю. Понимаешь?

– Мне кажется, ты его не любишь...

– Нельзя любить кого-либо, не зная его. Дай мне время, пожалуйста.

– Но маме Эштон нравится!

– Твоя мама – самое доброе и любящее существо на планете, она любит всех детей, независимо от их происхождения. Я не могу так. Надеюсь, что смогу полюбить его. Наде-

юсь.

Он снова задумчиво смотрит на спокойный серый залив. Я подхожу и обнимаю его сзади – знаю, что делать, когда отцу плохо или беспокойно. Его губы тут же растягиваются в улыбке, он поворачивается ко мне, целует в макушку, а руки заключают в объятия.

– Это случилось в те ваши пять дней в Париже, о которых ты мне рассказывал?

– Да. Именно тогда.

– Подумать только... Всё это время он жил в Париже, а ты даже не знал о нём! Он твой сын, в этом нет сомнений. Он так похож на тебя!

– Я знаю, – отвечает отец со вздохом.

Вообще, надо сказать, не только я, но и Лёха обожает Алекса, даже относится к нему с нескрываемым почитанием, а вот с родным как-то не ладится у него. Даже и не знаю, почему. Я папу Артёма вижу довольно часто, бывает даже, что ужинаю у него. Мы легко находим общие темы для бесед, да и вообще, чувствуем себя в компании друг друга вполне комфортно. Я знаю, что он любит меня, и Лёшку, конечно, тоже, а то, что случилось между ним и матерью – это их история и их трагедия. Я всегда буду оставаться для него дочерью, а он для меня отцом.

А ещё у меня немного болит сердце о нём, о его судьбе. Мой родной отец не достиг слишком многого, как Алекс, например, и это, я подозреваю, некоторым образом давит на

него. Не столько сам этот факт, сколько то, что мама ушла от него к более успешному мужчине. Он часто бывает в депрессивном расположении духа, редко видится с друзьями, которых у него не так и много, живёт один и, насколько мне известно, не имеет постоянной подруги. Я пытаюсь уговорить его начать встречаться хоть с кем-нибудь, ведь ему всего сорок четыре года, это не молодость, но и не старость! Сколько людей находят друг друга в таком возрасте, а бывает и позже! Даже фильм про это сняли: «Москва слезам не верит» называется, моя мамочка его обожает, особенно исполнять песню про Александру. Мы, бывает, вместе её поём под настроение: мама, безголосая Лурдес и я. Аннабель петь не любит, хотя умеет, но обожает рисовать – это умение, почти талант, передал ей отец, очевидно.

Алекс у нас – скопище талантов, навыков и умений. Он всё может, всё знает, всё умеет, и притом лучше всех. Немудрено, что у моего родного отца Артёма прогрессирует чувство неполноценности на таком фоне... Но это ведь, скорее, редкий дар! Такие люди не встречаются через одного, большинство могут похвастать только одним талантом, а у многих так и вовсе их нет! Алекс никогда не стремился быть лучше других, его образованность – следствие любознательности, жадного до знаний ума, трудолюбия и целеустремлённости. Эти личные качества и привели к тому, что он развил себя до недостижимых для большинства высот. Лично мне удивительно другое: как они с матерью умудрились отыскать

друг друга среди всех прочих людей, ведь и она такая же точно, как он! Ровно с тем же набором: трудолюбие, усердие, пытливый и работоспособный ум и постоянная внутренняя потребность завтра быть лучше, чем сегодня! Моей матери сорок три года, она потрясаяще поёт, плохо рисует, но время от времени посещает уроки модного художника. Она всю жизнь занимается йогой, а с возрастом стала ходить ещё на танцы и фитнес. Мама в совершенстве знает пять языков, ещё три – на уровне туристического общения, сейчас учит китайский, потому что Алекс его знает, а она нет, и это ей не нравится. Моя мамочка – профессор в одном из самых крупных Университетов США и не чего-нибудь, а высшей математики! Ей нравится учиться, узнавать новое, приобретать умения: «Я люблю напрягать свои мозги! Это такой кайф!» – совершенно искренне утверждает она.

Ни мама, ни Алекс никогда не смотрят телевизор, им это скучно. В свободное от нас и работы время они либо болтают друг с другом (что чаще всего), либо, лёжа в обнимку (это обязательно) читают каждый свою книгу. Идеальная пара. Идеальное совпадение интересов, устремлений, важнейших взглядов и ценностей. Глядя на них, я понимаю, что мама и мой родной отец никогда не были такой парой, и не смогли бы стать – слишком они разные. Поэтому осуждать мать за то, что выбрала другого мужчину, никогда не буду – не имею такого права. Каждый человек волен прожить свою жизнь так, как хочет, как велит ему душа.

Мама счастлива, Алекс счастлив, Лёха счастлив в своём обожании маминого второго мужа, что уж говорить обо мне... для меня Алекс – папочка в кубе. А то, что мой родной отец не хочет, не стремится, не пытается устроить свою личную жизнь, свою судьбу – разве виноват в этом кто-нибудь кроме него самого? Мама – не его человек, теперь, спустя годы, это особенно очевидно, так почему же не дать себе шанс найти того, кто будет совпадать с тобой в твоих желаниях? С кем у тебя будет своя собственная идиллия, отличная от всех других, и пусть люди и не поймут, почему вы двое так тащитесь от программирования и часами играете в компьютерные игры с банкой пива под рукой? Почему нет? У каждого своё собственное представление о счастье и комфорте!

А я хочу, чтобы мой муж был во всём похож на Алекса! Вот во всём! И я даже готова стать профессором математики и скрючиваться буквой «Зю» в йоговских позах, только бы рядом был такой же развитый и интересный человек! Такой же умный, добрый и отзывчивый, знающий каждый фибр моей души и умеющий заставлять её петь так же, как поёт мамина душа...

Мне нужно, чтобы он любил меня. Чтобы боготворил и носил на руках в прямом и переносном смысле, точно так же, как Алекс носит мою мать. Как смотрит на неё: так, словно она центр Вселенной. Как оберегает её, трясётся только от мысли, что с ней может произойти нечто, способное её у него забрать. Хочу, чтобы меня боялись потерять точно так

же, чтобы сходили с ума от одной только мысли об этом. Хочу, чтобы у нас были дети. Пусть не сейчас и не скоро, но когда-нибудь, в очень далеком будущем, я бы ходила беременной от него, и он бы любил меня и оберегал ещё больше. И я его тоже, потому что он дал мне главное – счастливое материнство.

История Валерии и Алекса в книгах «Моногамия» и «Моногамист»

Глава 3. Помощник

Следующая встреча с Эштоном случилась почти два месяца спустя – в самый разгар подготовки к Рождеству. Несмотря на то, что мама пригласила нового члена семьи приходить в любое время и обязательно по воскресеньям, он не появлялся в нашем доме ни разу, не пришёл даже в День Рождения Алекса, хотя мы его очень ждали... Ну, мы с Лурдес, по крайней мере.

И вот, совершенно неожиданно, в конце ноября, в самую обычную среду мама вернулась домой из своего Университета не одна и не с Алексом.

– Сонечка! Я привезла тебе помощника! Встречай Эштона!

Я оторопела:

–Помощника?!

– Ну конечно! Тебе же нужна помощь с гирляндами? Кто говорил, что Стэнтон вывихнул бедро и не может помочь тебе в этом году?

Я замечаю, как маман усиленно подмигивает мне своим левым глазом, что выглядит так, словно у неё нервный тик. Всё ясно: гирлянды – это предлог, чтобы затащить Эштона в наш дом.

– Обозначь парню фронт работы, а я пока займусь ужином. А Лурдес где?

– Просила передать, что останется сегодня у Габи вместе с Аннабель. Сказала, они закажут тайскую еду.

– Тайскую?! – округляются мамины глаза. – У Аннабель снова живот болел утром, какая тайская еда, ты шутишь?

– Ну, не знаю. Не забывай, пожалуйста, мам, что с ними Габи, и Аннабель ей как бы дочь... – многозначительно намекая матери на её склонность к гиперопеке не своих детей. Это странно, о нас она так трепетно не печётся, как об Аннабель и теперь уже, похоже, что и об Эштоне тоже.

Мы с Эштоном – два молчуна. Мне не так легко даётся коммуникация с новыми людьми, но у Эштона, похоже, проблемы посерьёзнее моих.

Я уже пыталась поговорить с ним о погоде, пока мы спускали с чердака коробки с электрическими гирляндами, интересовалась о его будущей профессии, пока искали ножницы, чтобы разрезать скотч и вскрыть их, но кроме коротких ответов, состоящих из одного-двух слов, так ничего и не получила. Подумала было рассказать что-нибудь о себе, но Эштон всем своим видом и упорным молчанием чётко давал понять: «Ты мне не интересна!». И я умолкла. Спросила только, когда мы выходили на террасу, не холодно ли ему в одном лишь батнике, на что получила:

– Нет.

Один долгий и молчаливый час ушёл на то, чтобы распутать гирлянды – в прошлом году уборкой всей этой праздничной красоты занимался мой брат Алексей совместно с

Лурдес и Аннабель, и это, скажу я вам, tandem беспечности и расхлябанности. Сколько ни объясняй им, что гирлянды нужно распутывать и аккуратно слоями укладывать в коробках, бесполезно: кидают всё как попало!

Но Эштон никак не комментирует беспорядок, за который мне так стыдно, молча делает свою работу. Закончив, тут же спрашивает:

– Куда вешать?

Я аж подпрыгнула от неожиданности.

– Ну, обычно, мы развешиваем их на перила террас просто, и всё, – отвечаю.

– А если растянуть по стеклу ровными линиями вдоль всего фасада, не лучше будет? Там вон клипсы есть, за них и цеплять можно. Наверное, для этого и оставили их. Я думаю.

– Лучше, конечно, но туда же не достать! – возражаю. – Если только треногу притащить, – добавляю задумчиво.

Внезапно Эштон быстро и совершенно неожиданно взбирается на стеклянный борт, в какое-то мгновение теряет равновесие, но успевает схватиться за поручень нависающего над нами выступа террасы третьего этажа, отчего его батник поднимается кверху, обнажив живот и спину холодному, сырому ноябрьскому ветру. Я обнаруживаю своё лицо прямо напротив чужого пупка, так близко, что несмотря даже на недостаток света могу различить каждый тёмный волосок на его коже – я не заметила сама, как и когда бросилась спасать своего помощника, рискнувшего целостностью своего орга-

низма во имя Рождественского убранства нашего дома. И хотя ледяные северные порывы ветра пронизывают насквозь, мелкие крупы редкого снега, словно иголками, вонзаются в мои замёрзшие щёки, внутри меня разгорается неистовый пожар... Так странно, как в это мгновение я не чувствовала себя ещё никогда, ни разу в жизни так явно не ощущала некоторые особо интересные части своего тела. Где-то в отдалённых закоулках затуманенного сознания возникают догадки о том, что бы это могло быть, и мне тут же становится дико неловко и стыдно.

Я буквально отпрыгиваю от Эштона и пытаюсь скрыть своё замешательство и алеющие щёки откровенным враньём:

– Ты чего?! С ума сошёл? Разбиться хочешь?

Эштон смотрит на меня со странной ухмылкой и выглядит так, будто всё понял и знает, что произошло секунду назад в моём теле и всё ещё продолжает происходить.

– Испугалась? – спрашивает неожиданно ласково, таким странно нежным бархатным голосом, какого я и не подозревала в нём.

– Тьфу, на тебя! Конечно! Тут же высоко, если не разбиться, то покалечиться точно можно! – отвечаю, вполне убедительно имитируя полнейшую незаинтересованность его животом, но мой взгляд предательски соскальзывает с его лица и мгновенно упирается в то самое место. Его джинсы... Он носит их слишком низко, слишком интимно это выглядит.

Я отворачиваюсь и пытаюсь замять свою неуклюжесть словами:

– Тебе точно не холодно?

– Нет.

Его голос опять такой же ледяной, как и прежде, словно и не было этого мимолётного мгновения мягкости и чуткости с его стороны, словно бы произошедшее и вовсе мне просто привиделось.

Какое-то время мы в полнейшей тишине развешиваем гирлянды, Эштон всё делает сам, а я иногда прошу его помочь мне куда-нибудь дотянуться. Именно «куда-нибудь», потому что это совершенно не важно, и я всего лишь пытаюсь начать с ним беседу. Любую. Ни о чём. Только бы он не молчал.

– Как тебе Вашингтон?

– Нормально.

– Красиво здесь, правда?

– Красиво. Но дома всегда лучше.

– Скучаешь?

– Да.

– А знаешь, где находится самое красивое место на Земле?

– Где?

– В Байрон-Бэе. Мы там отдыхали с родителями два года назад. Я просто влюбилась в тёплое море, пляжи, пальмы... Ты будто из реального мира попадаешь в счастливый сон, и

в нём так спокойно и так красиво!

– Не знаю, не был.

– А знаешь, где это?

– В Австралии.

Я удивлена: если он не был, тогда откуда знает? Спрашиваю:

– Байрон-Бэй – не самое знаменитое место на Земле, странно, что ты знаешь о нём.

– Люблю географию.

И снова молча растягивает гирлянду по стальным поручням нашей стеклянной террасы.

– Меня родители хотят отправить на учёбу в Европу. Ну, не настаивают, конечно, говорят: «выбор за тобой», но я знаю, что они правы. В Европе образование лучше. Странно, кстати, что ты сюда приехал учиться.

Эштон оставляет это моё соображение без комментария, продолжая всё так же молчаливо развешивать гирлянды по перилам, соединять их друг с другом, проверять, работают ли они, а если нет, то искать места разрывов.

Но я не сдаюсь:

– Ты... ты не слишком часто приходишь к нам...

– Времени нет.

– А с отцом тоже не встречаешься?

– С ним видимся.

– Часто?

– Иногда.

Внезапно Эштон спрыгивает с перил, подходит ко мне вплотную и странным, почти вызывающим тоном сообщает:

– Он купил мне квартиру.

Я улыбаюсь. Почти как дурочка.

– Ну... это же здорово! Иметь свой дом, я имею в виду. Можно позвать гостей...

–И машину. Крутую такую тачку, тысяч за сто.

– У нас без машины сложно, – тут же отзываюсь. – Мне в этом году тоже уже можно получать лицензию, но папа... Алекс против. Говорит, это небезопасно в Сиэтле. И у нас же Стэнтон всё равно отвозит Лурдес и Аннабель в школу, так что... Я пока без машины, – улыбаюсь во весь рот.

Сама не понимаю, почему так сильно стараюсь ему понравиться. И, кажется, чем упорнее он отталкивает меня, тем сильнее мне хочется к нему приблизиться!

– Я ненавижу гостей! – неожиданно заявляет.

Мои брови взлетают в недоумении.

– Ты сказала, своя квартира – это возможность принимать гостей, так вот: я ненавижу гостей.

– Почему?

– Потому что они хитрецы. Входят в твой дом, трогают твои вещи, а потом просто сваливают. И забывают о тебе сразу же, как захлопнется твоя дверь.

– Не все такие. Есть хорошие, добрые люди. Если не общаться, не дружить ни с кем, то можно же совсем одичать!

Эштон отходит от меня, распечатывает новую коробку с

гирляндами, некоторое время распутывает их, затем неожиданно продолжает наш диалог:

– И что в этом плохого?

Я даже не сразу сообразила, к чему именно относился этот вопрос.

– В чём?

– В дикости.

– Ну... Одному ведь плохо... Не с кем поговорить, поделиться своими проблемами, попросить о помощи... Да и просто поболтать за чашкой чая!

– Вы все тут пьёте только кофе.

Последнюю фразу он произнёс словно с ненавистью.

– Или кофе... Какая разница. Дело ведь не в этом, дело в тепле, которым люди согревают друг друга!

Эштон внезапно отрывается от гирлянды и окунает меня в долгий, пронзительный, глубокий взгляд. Взгляд, полный боли, как мне показалось в ту секунду. Таким я тоже его ещё не видела: он словно оцепенел, застыл на какие-то мгновения, и от этой его странной реакции меня обдало холодом, я буквально почувствовала, как струятся ледяные потоки по моей спине.

– И кстати, мы с папой пьём только чай. А мама кофе... – зачем-то сообщаю ему.

В глазах Эштона загорается нечто ещё более болезненное, но и доброе, тёплое, в то же время.

Мы снова молчим и продолжаем работать. И мне больше

совсем не хочется говорить. Кажется, рядом с Эштоном проще и легче молчать. Для всех проще.

Закончив террасу на втором этаже, я предлагаю:

– Пойдём в дом, темно уже. Завтра закончим. Приедешь?

– Нет. Сегодня всё доделаем, завтра я занят.

– А послезавтра?

– Тоже.

– Такой занятой?

– Разумеется. Мне нужно делать свою работу.

– А ты работаешь?

– Конечно.

– Где?

– Спасателем в бассейне.

Мой рот открылся с вопросом «разве Алекс не дал тебе достаточно денег, чтобы спокойно учиться, ни на что не отвлекаясь?» но тут же захлопнулся, поскольку мозг, осознав неуместность этого вопроса, вовремя направил ему нужный импульс.

– Хорошо плаваешь?

– Нормально.

Опять это «нормально». Такое чувство, будто я настолько скучная и занудная личность, что Эштон буквально считает секунды до окончания пытки вынужденного общения со мной. А я сама себе удивляюсь: вообще-то все вокруг считают меня достаточно замкнутой и закрытой, что, наверное, в некотором роде, правда. У меня мало друзей, можно ска-

зять, совсем нет – мне вполне хватает сестёр и старшего брата Алексея, который с нами не живёт, но приезжает каждое воскресенье на семейный ужин вместе со своей девушкой и в обязательном порядке играет со мной одну партию в шахматы. И я даже уже иногда выигрываю у него – сказываются регулярные тренировки с Алексом, победить которого практически невозможно. Иногда я подозреваю, что у него в мозгу встроенный суперпроцессор!

В школе у меня есть подруга – Кейси. Кейси – не совсем формальная девушка, у неё уже имеется несколько тату, и их количество постоянно растёт, она носит пирсинг в ушах, носу, щеках, языке, и не только, но Кейси – единственный человек, которого интересую именно я, а не моя семья. Вернее, Алекс и его возможности. Всё дело с social networking, которому нас обучают буквально с пелёнок: плести паутину своих знакомств, копи нужных и перспективных людей в своей копилке, чем шире твоя сеть, тем выше и больше будет твой дом и круче машина. Это, конечно, полезное занятие, но в какой-то момент начинаешь ощущать себя фантиком в фальшивом, насквозь искусственном мире человеческих отношений. Самое настоящее, что мне довелось увидеть за свою не такую уж и длинную жизнь – это любовь родителей друг к другу. С детства я воспринимала их преданность как нечто обычное и вполне традиционное, но чем старше становлюсь, чем больше людей узнаю и вижу вокруг себя, тем яснее понимаю, что то, что есть в нашей семье, почти уни-

кально...

И, порою, мне становится страшно: а что, если я никогда не смогу найти свою половину? Не просто человека, согласного и готового провести свой век рядом со мной, а такого, который будет любить меня по-настоящему, болеть вместе со мной моими болезнями, дышать моими радостями, разделять мои горести и поддерживать в любой трудности, как это делает моя мать, и без которого я не смогу дышать, как без неё не может Алекс... Он сам так и сказал мне однажды: «Я задыхаюсь, если твоей матери нет рядом: весь мой смысл заключён в ней, все мои мысли всегда приходят к одной и той же точке – той самой, где с семнадцати моих лет хранится её образ...».

Что, если я буду пытаться снова и снова и каждый раз ошибаться, наталкиваясь на кого-то не того? Во мне уже давно родился и со временем только увеличивается страх одиночества. От мысли, что я могу остаться совершенно одна, без семьи, меня охватывает настоящий ужас!

Алекс знает, чувствует меня. Не помню, как и что именно я однажды сказала, чем выдала себя, но он тогда обнял меня и тихо прошептал на ухо: «У каждого человека есть пара на Земле. Ищи её не умом, ищи сердцем». А вслух добавил:

– И не надейся на парней! Иногда мы такие глупцы... Если почувствуешь, что он – тот самый, не позволяй ему пройти мимо, вовремя не спросить твой телефон или и того хуже, всё разрушить! Не дай стереотипам и гордости решить твою

судьбу!

Ему легко говорить, он уже нашёл маму, и теперь ему совершенно не о чем беспокоиться! А у меня впереди неизвестность... и множество возможных неудач и ошибок.

Я смотрю на Эштона, на его длинную тёмную чёлку, уже всю в снежинках, и внезапно ощущаю странное тепло, разливающееся в моей груди. Говорю себе: «Наверное, я начинаю любить его и принимать душой в нашу семью, ведь номинально он – мой брат...». Но ясно понимаю, совершенно чётко осознаю, что медовая радость, щекочущая меня изнутри всякий раз, как этот странный парень попадает в поле моего зрения, не имеет ничего общего с теми тёплыми чувствами, какие я испытываю к Лурдес, Аннабель и Алёше. И это совсем не то, что моё четырнадцатилетнее сердце испытывало по отношению к Алексу – то был восторг и желание быть центром его Вселенной, владеть его вниманием единолично и безраздельно, а это – невероятное притяжение, желание касаться, трогать, просто находиться рядом, в максимально возможной близости. И этот его живот... моя реакция при виде его... Необъяснимая, странная реакция, за которую почему-то стыдно.

Я отворачиваюсь, вскрываю коробки с гирляндами для третьей и последней террасы, но делаю это так медленно, словно во мне вдруг поселилась улитка. Внезапно понимаю, что хочу продлить этот холодный ноябрьский вечер до бесконечности...

Моё внимание привлекает шум открывающейся двери в гараж, я бегу в дом к окнам, смотрящим в сторону нашего бэк-ярда, и с удивлением обнаруживаю машину Алекса, а вскоре и его самого, выходящего из неё с огромным букетом белых лилий. Тут же бросаюсь обратно к Эштону:

– Эштон! Эштон! Ты представляешь, папа приехал! На три дня раньше вернулся из Европы! Мама будет на седьмом небе от счастья!

Эштон спрыгивает с поручня, брови его сведены, он – то ли озадачен, то ли расстроен, то ли просто чем-то недоволен.

– Бросай эти гирлянды, пойдем, скорее, встретим его! Он это обожает! – у меня уже зудёж в пятках, потому что Алекс всегда привозит замечательные подарки.

– Нет, мне домой пора. На неделе как-нибудь заскочу, сделаю всё, что осталось.

– Да перестань ты, мама ни за что не отпустит тебя без ужина! Ты же видел, какая она чересчур заботливая! Особенно, когда дело касается тебя! – я улыбаюсь ему во весь рот, и радость от приезда Алекса в моём сердце так велика, что я забываю о том, как холоден и неприветлив был со мной Эштон весь этот вечер, хватаю его за руку и тащу в дом, вниз, в холл, встречать отца.

Но нас опережает маман, буквально летящая в том же направлении, что и мы, с телефоном у уха и сияющим лицом. Она так поглощена своей радостью, что не замечает нас, но зато мы с Эштоном становимся немymi свидетелями вопи-

ющей сцены: мама врзается в Алекса, он роняет свой букет, подхватывает её на руки и, жадно целуя, направляется к лестнице, ведущей наверх, в сторону их спальни.

Мне становится жутко стыдно... Нет, мы все прекрасно знаем и уже привыкли, что у родителей совершенно точно есть бурная интимная жизнь, но Эштон этого не знает, и со стороны всё это выглядит очень неудобно!

Я хватаю воздух ртом, срочно пытаюсь сообразить что-нибудь адекватное в данной ситуации, но Эштон удивляет меня больше родительской выходки: совершенно спокойным и даже ледяным тоном он спрашивает:

– У вас ведь тут есть пляж, кажется?

– Да... – отвечаю растеряннo.

– Пошли, – коротко заявляет и быстро направляется вниз по лестнице.

Бегу вслед за ним, подпрыгивая как заяц, и уже снаружи, у бассейна, ледяной ветер приводит меня в чувства, и я выдаю первую разумную мысль:

– Мне кажется, пляжный сезон давно закончился, Эштон!

Он продолжает так же молча двигаться, никак не реагируя на мои соображения по поводу его идеи прогуляться холодным вечером, практически уже ночью, по нашему пляжу. Наконец, мы добираемся до воды, Эштон буквально падает на песок и, поджав к груди колени, долго сидит, глядя в чёрную бездну. Я стою какое-то время рядом, не решаясь садиться на слишком холодный песок, затем всё же опуска-

юсь рядом. Эштон в то же мгновение словно просыпается из какого-то своего странного сна, стаскивает батник и отдаёт его мне, оставшись в одной лишь футболке.

– Ты с ума сошёл? Оденься сейчас же! Простудишься!

– Ерунда, – отвечает коротко, и я уже знаю, что спорить бессмысленно – этот человек не поддаётся уговорам и не внимает убеждениям.

Пару минут спустя, так же глядя в темноту, как и прежде, он признаётся:

– Не хочу быть в этом доме, пока они...

Он умолкает, но его мысль очевидна. Мне снова стыдно, неловко и... обидно. Обидно за родителей. Они ничего плохого не делают. Они просто живут так, как, в сущности, и нужно жить. Они не обязаны никому и ничем, а главное, никто не имеет права осуждать их стремление быть всегда вместе. А ведь они так счастливы, когда вместе! В нашем доме живёт радость, доброта, понимание. Мы живём в любви друг к другу, и кто такой Эштон, чтобы осуждать?

– Не суди строго. Ты не знаешь ... многих важных вещей. Слишком много всего выпало на их долю, слишком много они пережили, чтобы жить, оглядываясь на мнение других.

Сказав это, я осознаю, что выдала мысль, не соответствующую моему возрасту. Эштон поворачивает голову и смотрит мне в глаза, его губы находятся так близко, что я ощущаю тепло всякий раз, как он выдыхает. Слишком темно, чтобы разобрать выражение его лица, но я чувствую – он удивлён

тем, что я только что сказала ему. А эта мысль не моя – это слова самого Алекса, а я – всего лишь копилка его уроков.

– Что именно они пережили?

– Знаешь, однажды Алекс доверил мне всю их историю в деталях. На это ушёл целый день наших с ним жизней, и поверь, у него для этого была очень веская причина. Но я думаю, что у меня нет права рассказывать чужие секреты, и я никогда не рассказывала. Единственное, есть общеизвестные факты, но даже их достаточно, чтобы понимать – они заслужили то, что имеют. Жизнь коротка, и они это знают лучше, чем кто-либо.

– Рассказывай, – мягко просит Эштон, снова устремив свой взгляд в темноту.

– Я не знаю, известно ли тебе это... Когда Алексу было около тридцати лет, он заболел. Очень серьёзно заболел, врачи считали, что он не выживет. Мама тогда жила на другом конце планеты с моим отцом, а мне было два года. И хотя мама говорит, что дети не могут иметь настолько ранние воспоминания, я помню своё одиночество... Жуткое, страшное, опустошающее одиночество.

Эштон снова поворачивается ко мне, я снова ловлю его дыхание.

– Почему одиночество?

– Потому что моя мать уехала от нас почти на три месяца, улетела на другой материк спасать Алекса. И она его вытащила. Тогда дважды, потом спустя годы ещё несколько раз.

Они чувствуют друг друга как самих себя, и приходят на помощь в самый правильный момент – так считает Алекс. Вернее, он в это верит. Это его собственная религия.

Эштон смотрит неотрывно, впитывает каждое моё слово.

– Алекс был очень болен, буквально умирал у матери на руках. Обессилел настолько, что не мог сам передвигаться, стыдился своей болезни, немощи, худобы, того, что совсем не мог есть, но она была рядом и упорно верила, что он выкарабкается. Но он и не пытался. А мама всё равно тащила его, тянула так, как может только бесконечно любящий человек. Она болела вместе с ним, поделила его боль, его стыд и немоощь. А заболел он, потому что мамы не было рядом. Он сам мне так сказал: «Жизнь потеряла смысл. Зачем существовать, если не можешь жить без того, кто важнее и дороже всех?». Ещё он сказал: «Мы совершили очень много ошибок, обидели многих важных и дорогих нам людей, не раз причиняли боль, но если Бог есть, он знает – мы не могли по-другому». И знаешь, глядя на них каждый день, я в это верю – они действительно не могли.

Эштон находится всё так же близко и так же вглядывается в моё лицо, я чувствую его тепло, и, несмотря на ледяной ветер, мне совсем не холодно. Внезапно, совершенно неожиданно для меня самой у меня вырывается вопрос:

– Ты хотел бы так же любить и быть любимым, как они?

– Нет! – тут же отвечает Эштон, но я ему не верю, потому что такие вопросы слишком тяжеловесны, чтобы так легко и

быстро находить ответы на них.

– Просто ты не знаешь... ничего не знаешь об этом, – медленно возражаю ему.

Вдруг замечаю, что на кухне загорелся свет, вижу маму у стойки, уворачивающуюся от назойливых поцелуев отца.

– Пошли в дом, – зову Эштона. – Поможем им с ужином.

По мере того, как мы входим в нашу огромную столовую и приближаемся к кухне, я слышу обрывки родительских фраз:

– Мы с тобой – двое старых извращенцев! – хихикает мама.

– Поверь, Лерун, ты понятия не имеешь об извращениях. То, что делаем мы с тобой – это естественная потребность двух любящих людей в физической близости.

– Я сомневаюсь, что все остальные любящие делают то, что творим мы с тобой...

Я мысленно благодарю Бога за то, что Эштон не знает русского языка, и выдавливаю из себя максимально громкий кашель, такой, чтобы мы, не дай Бог, опять не стали свидетелями картины, слишком откровенной для его тонкой душевной организации.

Родители тут же умолкают и отрываются друг от друга, но это мало меняет положение вещей, потому что оба они переодеты в домашнее, и у обоих мокрые головы от только что принятого душа. Я прикусываю губу, стараясь не думать о том, о чём совершенно точно сейчас думает Эштон. И, на-

верное, я с ним в какой-то мере согласна – мои родители слишком любвеобильны для своего возраста. Жаль, что мне не шесть, и как бы я ни старалась, мысли о том, почему они оба мокрые, и что именно эти двое довольных родителя делали вместе в душе, всё равно лезут в мою голову.

Я бросаюсь обнимать Алекса, его руки и традиционные поцелуи в мою макушку тут же приносят мне облегчение.

– Ты вернулся раньше! – и это не утверждение, а скорее вопрос с моей стороны.

– Решил все дела по-быстренькому и домой, к вам! – целует меня в лоб. – Ты же знаешь, я не могу долго находиться вдали от вас!

Я снова обнимаю отца и чувствую, как одна его рука отрывается от меня, оборачиваюсь и вижу рядом Эштона. Похоже, он протянул свою руку первым. Алекс довольно улыбается, и я знаю, как это важно для него.

– Привет, Эштон. Я очень рад видеть тебя здесь! – голос Алекса такой же мягкий и тёплый, каким он говорит с нами, своей семьёй. Таким же голосом он разговаривает со своим другом Марком, почти всей нашей многочисленной роднёй и всеми возможными в природе детьми, но со взрослыми – он обычно достаточно холоден. Даже чересчур, я бы сказала. У Алекса social networking с приставкой «анти». Мама говорит, он раньше не был таким, был мягким со всеми, а потом словно стал отталкивать весь мир от себя, оставив рядом лишь близких.

– Привет.

Эштон так же лаконичен и холоден, как всегда, а мне безумно хочется, чтобы отношения между этими двумя мужчинами наладились, достигли той близости, какая и положена людям с одинаковыми генами. А в том, что гены у них одни на двоих, нет никаких сомнений – когда они вот так рядом, как сейчас, особенно сильно видно их неординарное сходство. Глаза вообще идентичные, вот только взгляды совершенно разные. Насколько много тепла в Алексе, настолько же много холода в Эштоне.

И мне хочется его согреть. Сломать все заслоны, растопить лёд и обнажить его настоящего, а настоящий он, я уверена, такой же горячий, как Алекс, и любить может так же сильно, так же самозабвенно заботиться, быть таким же преданным и верным.

«А вдруг Эштон и есть тот самый?» – внезапно рождается в моей голове вопрос. Дурацкий вопрос, на который уйдут годы поиска ответа... Многие-многие годы моей жизни.

За ужином всё та же неловкость, но на этот раз разрядить обстановку пытаются уже трое: я, мама и Алекс. Эштон упорно молчит и почти не ест.

– Видел твою маму. Жалуется, что не звонишь. Переживает! – как бы невзначай вдруг замечает Алекс.

Эштон замирает при этих словах, затем, спустя время, продолжает медленно есть свой салат.

До меня доходит, для чего на самом деле Алекс летал в

Европу. Я смотрю на мать, на её невозмутимое лицо, и мне вдруг срочно хочется её обнять. Тяжело сознавать, что твой мужчина встречался со своим прошлым, от которого у него ещё и сын есть. Ведь когда-то же этих двоих что-то притянуло друг к другу, и нет никаких гарантий, что не потянет опять!

После своей глупой подростковой влюблённости в Алекса я стала часто думать о матери, о том, как она всё это переживает. Даже у меня, близкого и родного человека, начала развиваться ненависть к ней. Я находилась в перманентном состоянии подавленности, а раздражение, которое вызывала во мне мама, выливалось в дерзость, а порой и грубость в её адрес. Собственно, именно это, подозреваю, и стало основной причиной экстренного вмешательства Алекса. Он вырвал в своем забитом графике сутки и целиком посвятил их мне не просто так: отец никогда и никому не позволяет расстраивать мать, даже нам, детям. Лурдес регулярно прилетают штрафы в виде лишения развлечений и карманных денег за любую провинность в отношении мамы. Аннабель тоже хорошо знает, что такое “строгий отец”, и лишь одна я всегда находилась на «особенном положении», которое заметили все. Абсолютно все. Со временем, каждый отдельно взятый член нашей семьи понял, что я – любимый ребёнок у Алекса, а тётушка Мэри даже однажды выдала свои соображения по этому поводу:

– Алекс без памяти любит твою мать, а ты очень на неё

похожа! Не только внешне, у вас и характеры одинаковые. Поэтому он тебя и выделяет, ты заметила?

Ещё бы не заметить. Конечно, заметила: за провинности попадает всем, кроме меня, подарки “самые индивидуальные” опять у меня, и именно мне достаётся больше всего бесед, советов и уроков. И когда я начала безобразничать, вместо санкций получила целый день наедине с любимым человеком. А что такое день для Алекса? Это очень много! Его время расписано едва ли не по секундам, и единственный человек, кто пользуется привилегией частного с ним общения, всегда была и остаётся мама. И тут вдруг один целый день достаётся лично мне!

– Алекс ёлку притащил. Огромную! – сообщает с излишней радостью мама.

– Ну как обычно, – отвечаю и благодарю отца улыбкой, он улыбается мне в ответ, и от удовольствия я даже умудряюсь на пару мгновений забыть об источающем напряжение Эштоне. Он словно высоковольтная линия, напряжён так, что я, кажется, даже слышу гул проходящего по нему тока.

Эштон то и дело мечет свои острые взгляды в сторону отца или пристально всматривается в мою мать. А я – вообще невидимка для него, часть интерьера. Его бокалу с красным вином и то больше внимания досталось в тот вечер, нежели мне.

– Где поставим её в этом году? – мама продолжает тему ёлки, так как ничего нового для общей беседы, видно, ещё

не изобрела.

– А давайте в этом году поселим её в гостиной! Мы ведь Рождество там отмечать будем? Или в столовой? – предлагает Алекс.

– Мне столовая больше нравится, тут пространство дружелюбнее, – отвечаю.

– Смотри, – возражает Алекс, – в этом году нас будет больше: Алёша со своей девушкой обещал прийти.

– Пусть сперва продержится хотя бы год с ней! – возмущённо возражаю. – Какой толк знакомиться? Каждый раз новая, я даже имена их не успеваю запоминать!

– Это совершенно нормально, он в поиске, – не сдаёт своих мужских позиций Алекс, жуя салат. Затем добавляет:

– Кроме того, и Эштон в этом году будет с нами. Эштон, ты ведь будешь с нами в Рождество?

И этот вопрос звучит не как вопрос, а как утверждение. Я чувствую очевидную оттепель в отношении Алекса к своему вновь обнаруженному сыну, но об Эштоне этого не скажешь.

– Нет, – заявляет, не задумываясь, – я уже договорился с друзьями.

– Рождество лучше проводить дома, с близкими, – мягко настаивает отец, и слово «близкими» звучит у него как-то по-особенному.

– Нет ничего важнее семьи! – подпевает мама. – Эштон, нам бы очень хотелось, чтобы ты был с нами в Рождественский вечер!

Эштон странно смотрит на неё, буквально затаив дыхание, и я замечаю, что в его взгляде нет той остроты, с какой он обычно глядит на меня или Алекса. Мама кладёт свою руку поверх руки Эштона и добавляет самым своим ласковым голосом, на какой способна:

– Ты не представляешь, как важно, чтобы ты принял нас всех в своё сердце! Самое большое богатство в любви близких, Эштон!

И она гладит его по руке так нежно, что мне даже завидно – со мной она никогда так не разговаривает и уж точно по рученьке не гладит.

– Позволь нам стать твоей семьёй, нам очень этого хочется! – продолжает настаивать мама. – Правда, Сонечка?

Сонечка? Серьёзно? Всегда Соня, Сонь или Софья, ну, в лучшем случае, Софи, а тут вдруг Сонечка!

– Угу, – отвечаю, стараясь поскорее прожевать суши-ролл, от меня ведь ждут в данную секунду выражения вечной любви в адрес Эштона. Просто потому что он – часть семьи!

– Лерусь, дай ребёнку поесть спокойно! – вмешивается Алекс, подмигивая мне с хитрющей улыбкой.

– Эм... Эштон... – проглатываю чёртов ролл, – у нас брат только один и тот вечно где-то лазит по подружкам, так что мы его почти не видим, поэтому знаешь, ещё один бы братик не помешал!

Спустя пару секунд добавляю:

– У нас слишком много тут женской энергии. Мужской не

хватает: один Алекс на нас четверых... Это если Эстелу не считать!

Алекс прыскает смехом, мама сдержанно улыбается.

– Эштон, я верю, что ты не откажешь мне... нам! Придешь же? – настаивает она, ласково приобняв уже его плечи.

– Приду, – неожиданно быстро меняет своё решение «всеми-страстно-желаемый» Эштон, а я, кажется, начинаю его недолюбливать. Ну, или хочу! Недолюбливать...

Глава 4. Эштон не выходит из моей головы

Dido – White Flag

Эштон не выходит из моей головы. Моя неспособность концентрироваться на насущном так очевидна, что мисс Мэйпл, наш преподаватель английской литературы, даже сделала официальное предположение при всём классе:

– Похоже, наша София, наконец, все-таки влюбилась!

Класс взрывается свистом и улюлюканьем, а я от стыда готова залезть под стол.

– Но-но! Я просто пошутила! – пытается успокоить ораву мисс Мэйпл, слишком поздно осознав, какую ошибку допустила.

Спустя время, ей это удаётся и не без труда.

– Так значит, влюбилась? – в глазах Кейси интрига.

– Глупости, – отвечаю и чувствую сама, что не убедительно.

– Кто он?

– Никто! Не мешай!

– Дружеский совет ещё никому не мешал! – сдержанно замечает мне Кейси, зная наперёд, что сдача мною своих же позиций – лишь вопрос времени.

Кейси умна не по годам, а её проницательности завидует даже моя мама. Подруга никогда не спешит и ни о чём осо-

бенно не беспокоится, её путь по жизни скорее созидательный. За эпатажными обликами она прячет незаурядный ум, сообразительность, хитрость и истинно ироничное отношение к окружающему миру. Настоящее имя её – Вайолет, и когда однажды я имела неосторожность заметить, что оригинальное имя намного красивее и экспрессивнее чем «Кейси», подруга меня потрясла:

– Имя способно многое рассказать о человеке. А в нашем мире ты тем в большей безопасности, чем меньше знают о тебе люди!

Кейси часто перегибает палку с образами, но мало кто знает, что она вовсе не ищет себя, как принято считать, а лишь проверяет окружающий её мир на прочность. И мир справляется не всегда. Сегодня у Кейси совершенно невинный облик, она – Алиса из Страны Чудес: линзы, имитирующие перламутровый пластик, сказочное голубое платье с принтом из соответствующего произведения, распущенные волосы обычного золотистого цвета. Обычного, потому что ещё вчера они были розовыми, а на прошлой неделе зелёными. И сегодня из всего доступного Кейси пирсинга остался лишь маленький бриллиант на изящном крылышке её носа.

– Как ты смотришь на то, чтобы устроить себе райскую жизнь в субботу... тыщ, скажем, на десять? – внезапно предлагает мне Кейси, вальяжно раскинувшись на школьном стуле.

– СПА, шопинг, ночной клуб? – предполагаю.

– Угу, – отвечает, одной рукой засовывая в рот Принглс, а другой списывая задание с доски.

– Ты разбогатела?

– Отец кинул мне на счёт 50 кусков сегодня утром. Сказал, если продержусь без побрякушек на лице месяц, кинет еще сто.

– И что ты? Согласилась?

– Сказала, что подумаю.

Отец Кейси, Бренден Бакли – известный и успешный адвокат, и странное поведение его дочери никак не вписывается в идеальную картинку создаваемого им мира. Алекс как-то заметил, что у Брендена большое будущее, и сложности с ранним ребёнком, то есть Кейси, для него не помеха. Кейси появилась на свет, когда её отцу едва стукнуло семнадцать. Семья обеспеченных адвокатов приложила немало усилий, чтобы замять и скрыть пикантную историю, но вторая сторона выдвинула свои условия. Эти условия вылились в то, что Кейси поселилась в адвокатском доме, начав сводить с ума домочадцев сразу же после своего рождения. Однажды на вечеринке Кейси немного перебрала и ударилась в откровения: призналась, что ненавидит чопорных бабушку и деда, экспериментирует с «тюнингом» своего тела им назло, и во всем мире любит лишь своего отца, хоть и почти не видит его.

– Он тоже их ненавидит, я это точно знаю! Их и чёртову адвокатуру! – добавила она таинственным голосом мне на

ухо. – А хочешь секрет?

– Конечно!

– Отец тайно встречается с очень красивой женщиной в одном и том же отеле! Тебе это ни о чем не говорит?

– Нет, – честно признаюсь.

– Вот ты клуша! – восклицает, закатываясь пьяненьким смехом. – Я так же уверена, что это моя мать, как и в том, что у них там секс в этом отеле!

– Зачем им скрываться? – ожидаемо интересуюсь, но ответа не получаю, потому что у Кейси, очевидно, его нет.

Спустя несколько месяцев Кейси выяснила, что таинственная дама вовсе не её мать, а всего лишь очередная пассия отца, и стала бунтовать ещё сильнее, пробив не только уши, но и брови, нос, щеки и ещё кое-что. По поводу этого “кое-что” ходят слухи, но в лицо Кейси никто не смеет отпускать своих шуточек – боятся её острого как бритва языка. Меня тоже не трогают – я под крылом у подруги.

Я долго разглядываю пережженные краской золотые локоны подруги, вспоминая её первую влюблённость – нашего одноклассника, сорванца и повесы Итона, её красочный рассказ об их первом сексе и многозначительное утверждение:

– Ты следующая!

Какая следующая?! Я не пользуюсь популярностью у противоположного пола даже несмотря на свой статус “выгодной невесты”. Именно статус, потому что однажды мне довелось услышать собственными ушами настойчивый совет за-

ботливого родителя одного из наших одноклассников при-
смотреться ко мне, потому что я из «правильной семьи». Бы-
ло неприятно, очень. Но ещё более неприятным оказался тот
факт, что одноклассник так и не “присмотрелся”. Я словно
невидимка! Меня никто не видит! Не замечает! Из парней,
я имею в виду.

– Его зовут Эштон, – признаюсь внезапно, неожиданно
для самой себя. – Не влюбилась, конечно, но ... он мне нра-
вится. И бесит немного! – улыбаюсь.

– С этого всё и начинается! – заявляет подруга с видом
опытной и выдавшей виды взрослой женщины. – Кто он?

– Мой брат, – отвечаю и только в этот момент понимаю,
насколько извращённо заучит моё признание. – Ну, техни-
чески мы не связаны общими генами, но номинально он –
часть нашей семьи.

Кейси вопросительно выгибает бровь, и я поясняю:

– Он сын Алекса.

– Да ладно! Ты шутишь?! – у Кейси расширяются глаза,
она с трудом скрывает своё перевозбуждение по поводу до-
веренного мной признания.

– Нет, не шучу. Он нашёлся ещё в сентябре. Вчера я ви-
дела его второй раз в жизни.

– Невероятно! Твой секси-папочка подкинул вам очеред-
ной сюрприз? Потрясающая семейка! Прямо мексиканский
сериал!

– На себя посмотри! Дочь тайных любовников! – огрыза-

юсь.

Кейси снисходительно улыбается и, выждав немного, пока свирепость поднявшейся во мне бури поутихнет, совершает первый шаг к примирению:

– Какой он?

И я уверенно, ни на секунду не задумываясь, отвечаю:

– Красивый!

Домой возвращаюсь поздно, после тренировки в бассейне и урока музыки у меня сил нет даже просто думать. Но Эштон упорно продолжает о себе напоминать:

– Ну как так можно, я не понимаю, зачем же руки распускать?! – возмущается мама.

– Я бы тоже ему вмазал, – отзывается что-то жующий Алекс.

– Ты?!

– Я!

– Да ты мухи не обидишь!

– А ты принимаешь желаемое за действительное!

– Ты же всегда был против насилия!

– Я и сейчас против, но в мужском мире есть вопросы, которые решаются только этим способом и никаким другим.

– Конфликты нужно решать словами! – не сдаётся мама.

– Лер, парень назвал его девочку шлюхой!

Виснет пауза, я вхожу, и мама вздыхает:

– Ну, не знаю!

– Что произошло?– спрашиваю.

Алекс многозначительно поднимает брови, мол “очередная пустая катастрофа”.

– Эштон подрался прямо в Университете, и я не знаю теперь, как защитить его. Вопрос стоит об отчислении!

– Мамочка просто слишком сильно беспокоится об обыденных вещах! – Алекс подходит к матери и, обнимая, целует её в висок.

– О каких обыденных?! Как по-твоему мне завтра объяснять ректору, почему мой мальчик разбил нос сыну судьи?

– Ну, во-первых, Эштон тоже пострадал, а во-вторых, – в этот момент Алекс ворует у мамы из миски котлету, – у него есть смягчающие обстоятельства.

– Подожди, пока сядем за стол, – журит его мама, уже улыбаясь.

– Я с утра ничего не ел! Голодный как волк!

– Почему не пообедал?! Это ещё что за новости?

– Я думал, мы вместе с тобой съездим в ресторан после твоих лекций, как обычно ждал, пока ты освободишься и позвонишь!

– Горе ты мое голодное! – мама с виноватым видом обнимает Алекса за талию. – Я совершенно замоталась с Эштоном! Возила его в клинику и не зря! Парню два шва над бровью наложили и обнаружили сотрясение! Представляешь? Ужас какой!

– У настоящего мужчины сотрясения – это боевые крещения! Без них никак, Солнышко! Вспомни, Алёша сколь-

ко дрался! А у меня этих сотрясений... я вообще со счёта сбился!

– Алёша дрался в школе, а не в Институте! Слушай, а ты мне не говорил, что тебя так часто били!

– Меня били, и я тоже не отставал. Говорю же, в мужском взрослении без этого никак! Так что перестань нервничать! Не забывай, что ваш ректор – мой давний знакомый, не отчислят твоего Эштона, не переживай ты так!

– Не моего, а нашего!

– Окей, нашего, – покорно соглашается Алекс, подмигивая мне. – Соняш, ты чего обниматься-то не подходишь? Я жду уже, жду!

А я в яме. У меня боль разочарования. Щемящая душу горечь и тоска. Кто-то из них произнёс жуткие слова: “его девочку”... И эти невинные слова застряли у меня в горле колючим комом. Значит, у Эштона есть девушка...

Глава 5. Когда ребёнок болеет...

Утро следующего дня начинается для меня сообщением от Эштона:

“Привет. Извини, сегодня и завтра не смогу прийти. Немного занят. К понедельнику, думаю, освобожусь”.

Я даже не сразу поняла, о чём речь. И лишь минут пятнадцать спустя до меня дошло, что я сама просила Эштона прийти в наш дом снова в ближайшее время, чтобы закончить то дело, которое так и осталось неоконченным.

“Ок” – отправляю ответ, и в этом одиноком слове из двух букв заключена вся моя горечь по поводу его девушки...

Однако обязательность Эштона меня удивила. Похоже, он, как и Алекс, не раздаёт пустых обещаний. У парня учёба, девушка, друзья, но, несмотря на это, он помнит об обещании, данном занудной и неинтересной сестре в постылом для него доме. Именно постылом, потому что всякий раз, как он сюда попадает, весь его вид вопит о желании поскорее убраться восвояси. «Почему?» – у меня возникает вопрос. Ведь абсолютно все мы настроены дружелюбно, и даже Алекс старается изо всех сил увидеть в чужом человеке родного, своего ребёнка, своего сына.

В понедельник утром получаю другое сообщение от почти таинственного и порядком странного брата:

“Прости, сегодня снова не смогу. Мне нужно ещё пару

дней”.

Решаю, что он не явится вовсе и, похоже, не собирался изначально. “И ни разу ты не человек слова!” – думаю разочарованно. Очень разочарованно. И у меня для разочарованных уже целых две причины: его девушка – номер раз; мои обманутые ожидания – номер два. Но, конечно, если бы не девушка, причина номер два не имела бы особого значения и, может быть, я даже нашла бы массу оправданий в моей находчивой голове...

В понедельник у меня после школы только один урок испанского, но моя преподаватель его отменяет, сославшись на плохое самочувствие, что совершенно точно враньё и, скорее всего, она попросту ещё не купила все подарки к Рождеству. Освободившись раньше обычного, я решаю отправиться к матери на работу, что делаю не так часто, но очень люблю: всякий раз, заходя в переполненную студентами аудиторию, я испытываю гигантских размеров гордость! Да-да! Это моя мама стоит вон там на подиуме у своего профессорского стола! Это моя мама, такая строгая и элегантная, знающая решение любой сложной задачи, подойдёт вечером поцеловать меня перед сном! Вам она ставит отметки, а мне лепит сэндвичи по утрам!

Но в тот раз, конечно, мне было не до гордости и почитания матери. Само собой, я рассчитывала увидеть Эштона.

При виде меня мама едва не подпрыгнула от счастья и даже чмокнула в щёчку, что для неё верх ласковости:

– Сонечка! Какая ты молодец, что заскочила ко мне! Я сегодня чего-то в депресняке каком-то.

– Почему?

– Сама не знаю, но настроение на нуле. Сплошные проблемы.

– Что случилось?

– Ничего особенно страшного, Слава Богу, по мелочи в основном. Команда Лурдес проиграла соревнования, почетное последнее место заняли; Лёша поссорился со своей барышней, переживает и не хочет приходить на Рождество, говорит, все будут опять прикалываться.

– Все – это я?

– Ну а кто? Сколько раз я просила тебя не трогать его?

– А я его не трогаю, мам!

– Ну, хорошо, не его, а эту тему!

Под “темой” подразумевается склонность брата к слишком частой смене подруг. Я об этом шучу обычно, не выбирая выражений. Его это бесит, а мне нравится, как он бесится.

– Ну ладно тебе, мам! Это ж просто юмор, а он, как известно, продлевает жизнь!

– Кому продлевает? Мне эти ваши ссоры уже в печенку въелись!

– Ну какие ссоры, мам! Ладно, всё! Слова не скажу про твоего Лёшу, раз он такой нежный!

– Да ладно, все это мелочи жизни. Эштон сегодня на заня-

тия не пришёл, это уже серьёзный повод для переживаний.

– Да тоже, поди, у девицы своей застрял! – буквально выплёвывая свою внутреннюю горечь по этому поводу.

Мама бросает на меня осуждающий взгляд:

– Я звонила ему, он сказал, что приболел.

– Врёт! Скорее, перебрал!

– Не думаю. У него голос был охрипший.

– Наивная ты, мам! Я могу изобразить тебе голос умирающего, если хочешь. Вот смотри: *Валерия Витальевна, мне очень жаль, но сегодня я не могу появиться на занятиях – намертво придавлен к кровати длинноногой блондинкой!* – хриплю. – Ой, простите, я хотел сказать, у меня грипп и жар!

– Смешно, – лицо у матери невозмутимо. – Смотрю, ты с брата уже переключилась на Эштона?

– С брата на другого брата, вернее будет сказать! – сообщаю довольно.

– Да какой он тебе брат! Не смеши меня! Я же вижу, как ты на него смотришь!

– Ещё чего! Ты что, мам! На фига он мне сдался? Он же пришибленный какой-то!

– Вот поэтому не смей его трогать! Не сладко ему пришлось, видно. Мать сама его растила, мужчины никогда в доме не было. Да и не знаешь ты, что такое нужда, дочь! И не дай Бог узнать!

– А ты знаешь?

– Нужды не знала, но тяжело было очень, когда Алёша

родился. Денег на памперсы не было, дошло до того, что я подгузники ему из марли делала, а потом стирала их.

– Ты никогда не рассказывала мне об этом, – внезапно мне становится стыдно.

– Теперь вот рассказываю. Но голодными мы никогда не были, а у Эштона, похоже, и это было.

– Да ладно! А ты откуда знаешь?

– От верблюда!

– Ну, мам!

– Не для твоих ушей эта информация. Я сейчас к нему поеду, это недалеко, прямо рядом с Институтом. Пойдёшь со мной? Или подождёшь в машине?

– С тобой, конечно! Вдруг он там помирает, может, помогу тебе его реанимировать!

– Дочь! Иногда мне хочется подрезать тебе язычок! И если бы не Алекс...

Для моей матери слово «болезнь» имеет действительно совсем не тот смысл, какой обычные люди в него вкладывают. У неё любая болезнь всегда подразумевает “смертельную” болезнь. И на эту тему я тоже много и дерзко шутила, пока Алекс не рассказал мне, что они прошли с мамой, когда он болел раком, когда у мамы отказывали почки, когда няня нанесла ей четыре ножевые раны, убив моего нерождённого брата и почти убив мою маму. Теперь мне больше не до шуток.

Эштон открывает нам дверь, будучи в когда-то белой, те-

перь уже неясного цвета майке, измятой и влажной и серых домашних штанах. Щёки у него алеют румянцем, каштановая длинная чёлка выдаёт недавнее намерение хозяина привести себя в порядок, но расчёсанной не выглядит. Если бы не мама рядом, я бы смутилась и сбежала, потому что молодые люди, наверняка, именно так и выглядят, когда их отрывают от занятия сексом.

Но Эштон, увидев мою мать в дверном проёме, сияет искренней улыбкой, а когда она приобнимает его, приветствуя, с чувством кидается обниматься в ответ. Решаю, что оторвали мы его совершенно точно не от секса. Может быть, от спорта?

Увидев меня, Эштон как будто расстроился, и я тут же почувствовала себя назойливой мухой, доставшей человека своими ёлками и гирляндами.

– Привет, проходи! – коротко, но по шкале Эштона очень тепло предлагает мне хозяин.

– Спасибо, – отвечаю.

Только в гостиной, залитой дневным светом, обнаруживаю на скуле Эштона огромный такой жёлто-зелёный заживающий синяк, небольшую ранку над бровью с запёкшейся кровью, стянутую двумя аккуратными стежками и прозрачным пластырем.

– Что это у тебя? – восклицаю, совершенно забыв о том, что Эштон же у нас герой, отстоявший честь своей дамы в неравном бою.

– Да так, – отвечает, улыбаясь. – Хэд-шот один пропустил. По глупости. Отвлёкся немного.

– Ты заканчивай, пожалуйста, с хэд-шотами, дорогой друг! – вмешивается в нашу беседу мама.

– Уже закончил, мы же договорились! – отвечает Эштон, заглядывая матери в глаза. И в этом взгляде столько тепла!

“Это ненормально”, – думаю. По всем законам человеческих взаимоотношений, чувств и эмоций он должен её ненавидеть! Ну, или хотя бы испытывать неприязнь! И даже не важно, как именно преподнесла историю своей давней любви его мать, моя занимает рядом с Алексом место, которое с высокой долей вероятности могло бы стать её местом. А Эштон мог бы иметь полную семью...

Квартира у Эштона небольшая, но просторная, сквозь высокие панорамные окна виднеются корпуса маминого Университета. Мебели совсем немного, она простая, но современная. Повсюду идеальная чистота, и я с улыбкой замечаю развешанные в стенном шкафу, словно по линейке, футболки, батники, джинсы – это так похоже на Алекса! Своей оголтелой любовью к чистоте и порядку он частенько прессует Лурдес, но это бесполезно – моя сестра как разбрасывала вещи в младенческом возрасте, так и продолжает делать это до сих пор: трусы, школьные тетради и фломастеры мирно соседствуют по углам, на стуле, столе, кровати и под ней в её комнате. Алекс не может спокойно на это смотреть, и каждый раз принимается раскладывать вещи по местам, бурча

своё извечное “ну как же так можно!”, а Лурдес с каждым годом все жёстче пеняет ему за вторжение в её “личное пространство”.

У Эштона Алекс совершенно точно чувствовал бы себя в полнейшем комфорте. У одной из стен обнаруживаю кучу нераспечатанных коробок, и, судя по размерам, это домашняя техника. Мама тоже их замечает:

– Эштон! Ты до сих пор не распаковал коробки? – в её тоне удивление, граничащее с возмущением.

– Ну... просто, мне не нужно это всё, как я и говорил в прошлый раз.

Только теперь я слышу, насколько в действительности осипший голос у Эштона. Он и в самом деле сильно простужен.

– Ты и карточками не пользуешься!

– Не могу.

– Понимаю. Себя помню – так же тяжело было решиться. Только мне он дядька чужой был, а тебе отец родной. Он любит тебя, уже любит, понимаешь?

Эштон утвердительно кивает, но взгляд отводит в сторону.

– Позволь ему заботиться о тебе! В этом нет ничего унижительного, и никто, конечно же, не делает тебе никаких одолжений. Ты сын, он отец, и присматривать за тобой, обеспечивать всем, чем нужно – его долг! Я уже говорила тебе и повторяю: он не знал, что на планете существуешь ты, а если

бы знал, поверь, его жизнь сложилась бы по-другому! Нет ничего важнее семьи и детей для него! Уж поверь мне!

– Сложилась бы как? – неожиданно отзывается Эштон. – Он женился бы на моей матери?

– Эштон! Женился бы – в этом нет никаких сомнений! И не представляешь даже, как был бы счастлив. Как раз в то время он и твердил мне без конца о семье и детях, все уши прожужжал!

У Эштона вытягивается лицо, а я почти не дышу – похоже, обо мне забыли... Таких откровений от матери на моей памяти нет ни одного!

– А Вы?

– А я была бы замужем за своим первым мужем, и каждый тихо и мирно шёл бы своей дорогой. Он не бросал тебя, не думай. Твой отец – самый порядочный человек и заботливый родитель из всех, кого я когда-либо знала!

– Он был бы несчастлив...

Эта фраза была сказана настолько тихо, практически шёпотом, что у меня душа замерла. Кажется, Эштон уже понял то, что у моей матери ушло больше пятнадцати лет.

Мама подходит к окну, некоторое время задумчиво смотрит на свой Университет, затем также тихо отвечает:

– Никто из нас понятия не имеет о том, какую жизнь он мог бы прожить, сложись всё иначе. По крайней мере, я однозначно была бы уверена, что у меня всё отлично, и я на пределе счастья.

Затем она резко разворачивается и смело направляется в другую комнату, Эштон тут же устремляется за ней. А я совершенно точно ощущаю себя лишней. Иду за ними, чтобы хотя бы не чувствовать себя душой, в конце концов, один из этих двоих игнорирующих меня людей – моя мать!

В комнате оказалась спальня: почти белый пушистый ковёр на полу и прямо поверх него безо всякой рамы огромный матрас. Больше ничего.

Эштон поспешно кидается собирать с пола аккуратно разложенные книги, тетради и листки обычной офисной бумаги, исписанной формулами и расчетами, схемами.

Мама, нахмурившись, держит один из них в руках, долго читая.

– Эштон... – внезапно зовёт его. – Подумай о матрице. Твоя мысль пошла не тем путём.

– Хорошо, спасибо.

Мама отдаёт ему исписанный не «тем путём» лист и быстро кладёт свою руку Эштону на лоб.

– Ребёнок! Ты весь горишь! Термометр есть? – внезапно восклицает.

– Нет...

– Так я и думала! Как ты лечишься?

Эштон с улыбкой пожимает плечами.

– Ты сейчас чем занят был?

Эштон протяжно вздыхает, обдумывая, по всей видимости, свой ответ, но сделать это как следует не успевает:

– Только не говори мне, пожалуйста, что ты с температурой, весь охрипший, решаешь мою контрольную!!!

– Вы ведь сказали до вторника всем сдать, иначе незачёт!

– Но не в том случае, если студент заболел, Эштон! Ты как маленький, ей Богу! Я что? Изверг, по-твоему?!

Эштон снова вздыхает, а я, пользуясь возможностью, спешу напомнить о своём существовании:

– Мамочка, ты, конечно же, лапушка у нас дома, но на своём подиуме в Институте выглядишь довольно таки грозно!

– Да ты даже не представляешь себе, дочь, чего мне стоит порой заставить этих обалдуев учиться!

Затем безапелляционно заявляет Эштону:

– Так, всё, дорогой мой, собирайся, ты едешь к нам – будешь жить в гостевой комнате до полного выздоровления! И вообще, давно пора завести тебе собственную комнату у отца в доме. Соня, дочь, помоги мне собрать для Эштона вещи.

– Не нужно! Я сам! – как-то нервно восклицает больной.

– Ладно. Давай сам, только быстро. Сонь, пойдём глянем, что у него на кухне.

А на кухне совершенно пустой холодильник и на полке в шкафу одинокая пачка макарон соседствует с не менее одинокой пачкой чая.

– Так я и знала! – раздражённо замечает мама. – Ведь говорила же: проверь, как ребёнок живёт! Так нет же! “Он взрослый, я не имею права к нему соваться!”

– Если ты про папу, то он прав, я считаю... – возражаю

несмело.

– Папа он для Эштона, а для тебя Алекс! – успевает нервно высказать мама, но тут же осекается, осознав, по-видимому, свою ошибку.

– И мне тоже он папа! – огрызаюсь, едва сдерживая слёзы. Какая разница, чья кровь в моих венах? Алекс и мой папа тоже!

История Валерии и Алекса в книгах «Моногамия» и «Моногамист»

Глава 6. Притяжение

По дороге домой Эштону стало явно хуже, он без конца кашлял и шмыгал носом, хоть и старался скрыть своё плачевное состояние усердным копанием в телефоне. Но наш неторопливый паром доконал бедолагу окончательно: Эштон запрокинул голову на спинку заднего сидения и прикрыл глаза. В момент, когда он положил ладонь на лоб, словно стремясь придержать свою собственную голову, меня начали мучить угрызения совести за все содеянные грехи: за то, что на пляже позволила снять и отдать батник мне, что он вообще полураздетым развешивал гирлянды в течение двух часов до этого.

Я и подумать не могла, что такие высокие и крепкие парни, как Эштон, в принципе могут болеть! Да глядя на один только размах его плеч, возникает уверенность, что никакая бактерия не осмелится напасть на этот образчик мужской породы! На самом же деле, больше всего стыдно было за то, что так плохо думала о нём все последние дни, неловко стало даже за все отпущенные в адрес брата шутки.

А потом в моей голове случилась мысль:

«Его девушка наверняка не допустила бы ситуации, в которой Эштон мог бы простудиться и заболеть! Она заботится о нем так же, как моя мать всю жизнь печётся об Алексе, любит его, и именно поэтому он и выбрал её...». От этих дум

мне делается так печально и скверно на душе, что я чувствую себя чужой и ненужной.

Весь вечер мама колдует над Эштоном, и мне не до ревности – ближе к полуночи парню становится совсем плохо.

Мы с Алексом пьём чай, сидя на кухне, оба не решаемся лечь, пока мама возится с Эштоном. Внезапно она буквально слетает с лестницы:

– Алекс, я не могу сбить ему температуру: капсулы хватает на час максимум, а потом она снова поднимается!

– Ты Тони звонила?

– Да. Он сказал, это не пневмония – за такой короткий срок она не развивается. Приказал делать растирания, но мне как-то не с руки – парень же.

– Я разотру его, приготовь только воду, ладно?

– Хорошо, сейчас сделаю.

Мама бросается искать в шкафах подходящую ёмкость, и я замечаю, что у неё дрожат руки. Алекс, очевидно, тоже это замечает, потому что резко останавливает её, обнимает и тихонько говорит:

– Ты только не паникуй, ладно? Справимся! Всегда справлялись!

– У меня ещё не было такого, чтоб жар невозможно было сбить! Понимаешь?

– Ты просто не очень хорошо помнишь, Солнышко!

– Если ты о себе, то у тебя совсем другая ситуация была!

– Именно! А у него просто грипп, наш знаменитый “флу”,

и мы его вылечим обязательно, только не нужно переживать и нервничать, ладно?

Алекс нежно целует маму в нос, потом в губы, не слишком усердно, потому что я рядом, и он об этом помнит. Она смотрится такой хрупкой в его руках, настолько ниже и уязвимее, что у меня начинает щемить в сердце: как же хочется, чтобы и у меня был мужчина, в котором можно спрятаться от всех бед, чтобы он также нежно утешал меня и целовал в нос... Ну вот почему везёт всем кроме меня? Маме повезло, девушке Эштона тоже остаётся только завидовать, только я никому ненужная синеглазая Соня, которая лучше всех пишет эссе! Да-да, именно так! Школьные парни приглашают меня только лишь помочь им с уроками и точка.

Алекс без конца твердит, что я самая красивая и умная девушка на планете Земля, тогда почему другие парни этого не видят? Эштон, например? Может, они слепые? В последнее время я всё больше начинаю сомневаться в том, что Алекс говорит мне правду.

Полночи не могу уснуть, не помогла даже “Королева Марго” – моё персональное сильнодействующее снотворное: обычно стоит открыть её, и пары страниц не прочтёшь – тут же в сон клонит. Лежу, разглядывая на потолке узоры пятен света и теней от голых ветвей деревьев из сада, и думаю свои думы. И все они, конечно же, об Эштоне.

И в этих моих думах мы сперва долго держимся за руки, обнимаемся, Эштон целует меня в нос, а потом всё торже-

ственно завершается киношным поцелуем в губы. Сразу после этого я иду под руку со своим красавчиком бойфрендом по школе, все смотрят на нас, девчонки и даже учителя женского пола завидуют мне, а парни сокрушаются, что упустили такой бриллиант в виде меня. Ну, вовремя не заметили, что он одинок и требует оправы. Многие так сильно жалеют, что не пригласили меня на свидание первыми, что даже кусают до крови губы и разбивают костяшки о розовые стены нашего школьного коридора.

Где-то на моменте отвисания челюсти у Бахары, моего главного врага – дочери иранского бизнесмена, не менее удачливого, чем Алекс, я просыпаюсь и обнаруживаю на часах половину четвёртого ночи. Тут же вспоминаю о болезни Эштона и искренне начинаю вся чесаться от переживаний – как он там? Вдруг родители всё же решили вызвать скорую и моего братца увезли в госпиталь? А может, он там совсем один в своей комнате для гостей, и некому о нем позаботиться?

Решаюсь проверить.

Комната Эштона не менее просторная, чем моя собственная, вся залита лунным светом, свободно проникающим через стеклянную стену. Для ноября луна ночью – это такая редкость в наших краях!

Прямо у широкой кровати, где тихо спит Эштон, стоит кресло, а в нём дремлет, облокотившись на руку, Алекс.

Я подхожу к ним так тихо, как только могу, но отец тут

же открывает глаза. Увидев меня, он улыбается и тихонько говорит:

– Ему уже лучше, температура давно спала, не переживай, Соняш!

– Тогда почему ты не ложишься? – шепчу в ответ. – Тебе через час вставать!

– Мама настояла, чтобы я завтра отменил свои дела и остался дома. Ну, ты её знаешь, – тихонько смеётся. – Но я, конечно, все равно на работу поеду, просто позже. А сейчас, правда, пойду тоже лягу.

Я рассматриваю Эштона: он раздет по пояс и укрыт влажной на вид простыней.

– А чего он мокрый-то такой? – спрашиваю.

Отец молча трогает постель, затем аккуратно лоб Эштона:

– Похоже, это он так сильно вспотел, когда температура падать начала. Ты тихонько его разбуди, а я пойду принесу ему смену белья и майку какую-нибудь свою.

– Ладно, – соглашаюсь.

Алекс уходит, а я долго не решаюсь будить больного. Кладу ладонь на его лоб так же, как делал до этого отец, и нахожу его не то, что не горячим, а буквально ледяным! “Наверное, мама переборщила с таблетками, как всегда” – проносится мысль. А за ней другая: “Почему это так странно бьется моё сердце, когда я касаюсь его?”

Эштон спит как убитый. Отец приносит бельё:

– Ещё не разбудила?

– Да он спит как лошадь! – деланно хмурюсь.

– Молодой организм! – отвечает Алекс с улыбкой. – В этом возрасте все парни хорошо спят и не страдают отсутствием аппетита!

– Эштон точно страдает! Смотри, какой худой!

Мы оба фиксируем свои взгляды на голой грудной клетке Эштона, которая ни разу не выглядит худой, а наоборот настолько широкой и сексуальной, что мне резко становится неловко.

– Да ничего он не худой! – уверенно возражает отец. – Я в его возрасте таким же был!

– Но он за столом почти ничего не ест, и дома у него еды вообще не было. У него явно проблемы с аппетитом, точно тебе говорю!

– Это у него наследственное, – Алекс закатывает глаза. – И ни разу не смертельное, раз уж это тело (тут он показывает на себя) ещё не умерло от истощения, – смеётся.

– Пап...

– Да, Соняш, спрашивай, ничего не бойся.

– Если б тебе было сейчас восемнадцать, ты бы выбрал меня?

Отец смотрит на меня некоторое время изучающе, затем уверенно отвечает:

– Ну, фактически я тебя и выбрал в своей реальной жизни, и мне как раз было восемнадцать лет, а твоей маме шестнадцать.

– Я не про маму! Она всем нравится! Я про себя! Ты бы заинтересовался такой девочкой как я? Когда был... молодым организмом?

Алекс долго смотрит в потолок, соображая.

– Ты про секс? – внезапно спрашивает.

Я тут же краснею, хотя все беседы о сексе и предохранении со мной только Алекс и проводит, и ни разу не мама.

– Я думаю, что секс – это неотъемлемая часть того интереса, о котором я говорю. Короче, ты бы в меня влюбился? Если бы тебе было сейчас восемнадцать?

– Однозначно влюбился бы. Но видишь ли, какая штука: в восемнадцать лет парни, даже если и влюбляются в одну, секса хотят с многими. С разными. И часто. Намного чаще, чем ты можешь себе представить.

Шок на моем лице так очевиден, что Алекс тут же добавляет:

– Но это проходит годам примерно... к двадцати пяти! Плюс-минус пару лет.

– Как же жить тогда? – спрашиваю, присаживаясь на постель Эштона. – Столько ждать! Это слишком долго!

Кажется, у меня даже сползла слеза по щеке.

– А ты не жди! Просто живи и радуйся каждому новому дню! – отвечает отец, обнимая меня. – Ладно, пойду у мамы спрошу, чего делать-то с ним... Она всё равно не спит.

Leona Lewis – Run

Сижу на постели Эштона и разглядываю его. Бесстыдно

так разглядываю. Мне нравятся его плечи, руки, грудь – всё такое мужское уже... Не мощное, как у отца, а просто мужское. Местами нежное и утончённое, как шея, например, или его опущенные веки с длинными тёмными ресницами. Или губы... те самые, которые целовали меня во сне. И они были такими же нежными и любящими, как у Алекса...

Опускаюсь рядом с Эштоном на живот и лежу в неприличной близости от его лица, изучая каждую его черту, изгиб, линию. Он забавный! Так смешно сопит во сне своим простуженным носом, иногда шевелит губами. А губы у Эштона точь в точь как у Алекса – тот же контур и полнота, и верхняя чуть вздернута кверху. Внезапно он улыбается, и я обнаруживаю ещё один подарок отцовских генов – маленькую ямочку в носогубной складке и только с левой стороны... Стоп, или для него это правая?

Не знаю, как вообще такое безрассудство могло случиться с моей стороны, но я, ведомая каким-то древним инстинктом, тянусь ещё немного губами и касаюсь ими той самой, влекущей ямочки. Эштон тут же открывает глаза, его взгляд неосознанно скользит по моему лицу, затем гаснет, скрывшись под веками с девчачьими ресницами. Я буквально выдыхаю своё облегчение, но глаза Эштона тут же снова распахиваются, он смотрит некоторое время в мои, затем шёпотом спрашивает:

– Ты что делаешь?

Я тут же выпучиваю по-детски глаза:

– Проверяю, не помер ли ты!

– Что-о-о? – тянет уже в голос, видно спросонья туго соображает.

– Я говорю, что беспокоюсь, не отчалил ли ты в мир иной!

– А ... почему ты в моей комнате?

– Ну, Эштон, ну что ты как маленький, вот ей Богу! Я ж переживаю! Переживательная я очень, понимаешь? – уверенно встаю с его постели и спокойно разваливаюсь в кресле.

– Спать не могла, всё переживала! Дай, думаю, проверю, как там Эштон? Может, он водички попить захотел, а принести некому! Захожу, а тут бледное бездыханное тело, вот я и испугалась, что ты того... Ну, сам понимаешь! Решила дыхание твоё проверить. Но ты не думай, до реанимационных мероприятий дело бы не дошло, нас хоть и обучали в школе, я ни черта не помню, кроме шуточек своих одноклассников. Им, знаешь ли, только дай искусственное дыхание поделать!

Эштон поднимается и садится на постели, простынь с пледом сползают ниже, открывая моему взору его совсем уже не юношеский живот:

– Ты смешная! – заявляет.

А я млею, разглядывая его оголенный торс. Не то слово млею, кажется, мои леди-органы задумали что-то нехорошее. Не то, чтоб я не видела мужчин в плавках, этого добра хватает и в бассейне, и на пляже, да что далеко ходить, летом что Алекс, что Лёша – оба без маек по дому расхаживают, хорошо ещё если в шортах, а то Лёшка может и за стол

в плавках усесться. Но при виде полууголённого, бледного, больного Эштона у меня впервые в жизни появляется странное ощущение в животе... Кажется, именно это и называют бабочками!

– А у тебя девчачьи ресницы! – сама не поняла, почему и зачем сообщила ему об этом, видно от созерцания его голой груди совсем мозги мои отшибло!

Эштон улыбается ещё шире:

– Я знаю. Ты не первая, кто говорит мне это.

Бабочки разом сдохли.

– О, Эштон, ты проснулся уже?! Очень хорошо, вставай-ка белье твоё поменяем, ой, и впрямь всё мокрое...

Мама, как всегда, вовремя. Заспанная, в пижамном одеянии, слегка растрепанная и пахнущая кремом для лица. С детства обожаю этот запах – запах мамы. Эштон, похоже, тоже от него тащится, судя по выражению его лица. Встаёт, заматавшись в простыню, и с ангельской улыбочкой строит из себя пай-мальчика:

– Не нужно, Лера, я сам всё поменяю, спасибо!

– Ещё не хватало, чтобы ты больной и с температурой бельё менял!

– Уже всё в порядке, больше нет температуры!

Мама тут же кладёт на его лоб свою ладонь:

– И впрямь нету! Перегорел ты, видно, за ночь. Но горел хорошо, перепугал меня насмерть!

А Эштон блаженно прикрывает глаза... и мне это не нра-

вится! Эй! Это моя мама!

Глава 7. Клик-клик

ZAYN – Dusk Till Dawn ft. Sia

Утром мама как ошпаренная носится по кухне – опять опаздывает.

– Mam, у тебя же по вторникам вроде нет занятий! – тяну сонно.

– Пора экзаменов началась, дочь! Не долго тебе расслабляться осталось – скоро узнаешь, что это такое! Правда, Эштон?

Эштон в отцовской футболке и его же батнике с надписью GAP посередине мирно восседает на мамином любимом месте – кофейном диванчике у самой стеклянной стены. Кофейном не потому, что дизайнер задумал его цветом кофе с молоком, а потому, что мама любит в этом месте пить кофе и проверять свои контрольные. На самом деле, там два кофейных дивана, стоящих друг напротив друга, а между ними уютный деревянный стол. Это особенное место – место для двоих. Для мамы и Алекса. Если вдруг проснуться пораньше, то можно застать их ежедневную идиллию, ставшую традицией: каждое утро они проводят вместе и наедине 30 минут. Пьют кофе, обсуждают планы на день, иногда как дети держатся за руки, но чаще просто целуются. Мы долго ждали момента, когда же им надоест, но так и не дождались. Похоже, они собираются целоваться до самой смерти!

Фокус в том, что кофейные диваны как-то сами собой, по умолчанию, стали неприкасаемыми для всех остальных домочадцев. Абсолютно все почувствовали энергию этого места, места только для двоих.

И вот Эштон... Сидит себе, как ни в чём не бывало, на мамином месте. Сажусь напротив него на диванчик Алекса.

– Доброе утро!

– Привет.

– Как самочувствие?

– Уже лучше, спасибо.

Тут замечаю в глазах больного тень подозрительной иронии. Эштон любит наш вид на залив, жуёт свой блинчик с вишней – мамино фирменное блюдо, и едва заметно улыбается.

– У вас красивый дом и в очень живописном месте. Наверное, лучший из всех, что я видел, внезапно сообщает.

Мама тут же отвлекается, останавливается на несколько мгновений, на лице её озабоченность сменяется мечтательной улыбкой:

– Дом... да, дом у нас замечательный. Твой отец построил его, когда был совсем юным. Двадцать пять ему было. Он хотел, чтобы здесь поселилась его семья, росли его дети... так и вышло, в итоге!

– Вообще-то, ему было двадцать шесть, и этот дом он построил лично для мамы, хотел сделать ей подарок, но она не пожелала даже взглянуть на него.

Эштон напрягается, лицо его выражает крайнее удивление и странный испуг.

– Ой, ну всё! Я в университет опаздываю, – мама срывается в сторону гаража, а я чувствую себя виноватой!

– Мамуль, прости! Ну, прости, пожалуйста! У тебя были очень веские причины, я знаю! – кричу ей вслед.

Догоняю её уже практически у двери в гараж, и с ужасом замечаю, что она плачет.

– Мам, ну что ты, прости меня, дурочку! – обнимаю её и начинаю слезоточить сама.

– Всё в порядке, Сонь, ты тут не причём. Мои ошибки, мои боли.

– Алекс сказал, что если бы не твои ошибки, не было бы меня. Так что с моей колокольни ты всё делала правильно!

– Конечно, правильно, дочь. Слушай, а ты почему в школу не собираешься?

– Мамуль, можно я останусь сегодня? В школе сейчас перед праздниками одна фигня, я от скуки с ума там схожу. Может, лучше мне дома побыть? За Эштоном присмотреть? Вдруг он разболеется снова? А я ему таблетку от температуры дам!

Мама улыбается, часто моргая ресницами, чтобы от слёз тушь не потекла.

– Ясно всё с тобой. Ладно, оставайся, только будь умницей! Я Лёшку в девятнадцать родила, ты даже не представляешь себе, насколько рано это было! Чуть не померла от

напряжения! Помни об этом!

– Ну, мам, ну ты что?! Ты что такое говоришь! Я что, совсем, по-твоему, того! Без мозгов?

– А мозги тут ни при чём – не они в этом деле всё решают, и я тому прямой пример. При всём уме разума не хватило!

– Не переживай, папа провёл полный ликбез, включая методы и методики предохранения. Но ты работай спокойно, мне они не понадобятся, по крайней мере, сегодня точно!

Мама улыбается, нежно целует в щёку:

– Ты умница у меня!

Эштон задумчив и неподвижен всё в той же позе у окна на мамином кофейном диванчике.

– Ты знаешь, как называется место, на котором ты сидишь?

– Как? – спрашивает, не поворачивая головы.

– Кофейные диваны Леры и Алекса. Они тут пьют кофе и воркуются.

– Что делают?

– Воркуются. Ну знаешь, как голуби, клювиками. Это их место, мы сюда никогда не садимся.

– Понял.

– Кофе будешь?

– Да, пожалуйста.

– Тебе с сахаром и молоком?

– Если можно, без, пожалуйста.

– Ты всегда такой вежливый?

Эштон ухмыляется, и эта ухмылка постепенно перерастает в широченную улыбку, и... я таю.

Этот парень просто бог красоты какой-то, когда улыбается! Сердце в моей груди скачет так шустро, что я роняю кофейник на пол, он разбивается вдребезги, раскидав стекло по всей кухне. Не успеваю опомниться, как Эштон уже возле меня, быстро хватая за руку, оттаскивает в сторону и начинает собирать стекло.

– Ты чего?! – удивлённо восклицаю. – Ты же больной! Я сама сейчас уберу!

– Ты такая неуклюжая, ещё порежешься!

Anthony Greninger – Dreamer [Inspirational Piano]

Его глаза, сощуренные улыбкой, мне показалось, залили светом и теплом всю кухню, столовую, гостиную, его спальню, мою спальню, весь наш дом. Я чётко услышала своё сознание, оно громко, уверенно объявило мне: хочу смотреть в эти шоколадные глаза вечно!

Солнце, словно почувствовав оттепель между нами, в одно небольшое мгновение выползло из-за серости, скрывавшей от нас его свет, и затопило своим утренним золотом весь наш дом. Мы оба, не сговариваясь, словно зачарованные, повернули свои головы в сторону панорамных окон, и, не издавая ни звука, боясь спугнуть волшебство момента, стали смотреть на залив.

– Боже, как красиво! – тихо говорит Эштон.

– Да... – согласно тяну я, также едва слышно.

Солнечный диск, непривычно яркий, потому что ноябрь – самый пасмурный месяц в штате Вашингтон, нависает над безмятежной гладью залива, изменив его хмурые серые тона на переливы жёлтого и золотого. От этой картины хочется петь, бежать куда-то, гнаться, что-то свершать.

– Наверное, нужно очень сильно любить женщину, чтобы подарить ей такой дом, – задумчиво произносит Эштон, продолжая собирать стекло.

– Наверное.

– Давно они вместе?

– О, это очень запутанная история, местами похожая на сказку, местами на фильм ужасов. Алекс признался мне однажды, что встретил мою мать, когда ему ещё не было восемнадцати, и влюбился с первого взгляда в неё шестнадцатилетнюю. Но был юн, глуп и поэтому потерял её из вида на многие годы, потом долго искал, нашёл, но она уже была замужем за моим отцом, и у них уже даже был Лёшка.

– Я не знал этого...

– А должен был?

– Не в этом смысле... просто... как-то сложилось впечатление, что это не первый брак у них.

– О! Тут ты в самую точку! Они друг на друге только три раза женились, а сколько было ещё всех прочих!

– Три раза?! – Эштон деланно округляет глаза.

– Да. Целых три. Одного им показалось недостаточно. Двух тоже.

– Может, просто любят свадебные церемонии?

– Нервы они потрепать друг другу любят. А церемония была у них только одна.

– Глядя на них, никогда не подумаешь о таком...

– Ну, сейчас у них период выученных уроков, так Алекс говорит. Собственно, то, что ты видишь, нравится и нам всем. Счастливы они – хорошо и нам. А когда все эти разрывы и разводы были... – я умолкаю, потому что щиплет в носу.

RHODES – Morning

Щиплет сильно, потому что память хранит очень многое. То, например, как Алекс женился на Габриель и перестал официально быть моим отцом, как забирали Лурдес к себе, а обо мне забывал, потому что я ... потому что я не настоящая его дочь – так однажды объяснила мне мои права тётя Габи. Потом у них родился общий ребёнок, и Алекс совсем пропал из вида, перестал даже изредка приезжать. Когда я обнаружила у Габи новый живот, и мама сказала, что у Алекса скоро родится ещё один ребёнок, мальчик, я поняла, что больше не увижу его никогда и никогда больше не смогу называть его отцом, он не будет играть со мной и заплетать мне косы колоском. У него такие нежные и мягкие руки, и он всегда рассказывал мне сказки, так что пытка утреннего причёсывания перед школой незаметно превратилась в самую большую за день радость. Он учил меня плавать, кататься на велосипеде, давать мальчишкам в нос за то, что больно дёргают меня

за мои колоски-косички. Он не позволил маме отрезать мне волосы, когда я заразилась вшами, и всю ночь напролёт возился со мной, чтобы избавить от напасти. Избавил. И волосы сохранил. Он выслушивал все мои боли и обиды и всегда находил самые правильные слова, чтобы утешить меня, поддержать, успокоить. А его объятия... его волшебные объятия исчезли с появлением Габриель. Они все теперь доставались только ей и Аннабель. Потом, спустя ещё несколько лет, когда Алекс снова стал жить с нами, мама не любила его, отворачивалась, когда он входил в комнату, или совсем выходила из неё, не разрешала ему трогать себя, и однажды я увидела, как он плачет, сидя на полу, у маминой постели. Очень горько плачет. Мне хотелось отдать всё, что у меня есть, сделать всё, что потребуют, только бы он не оставлял нас снова.

Я с шумом выдыхаю, чтобы прогнать застрявший в горле ком:

– Короче, плохо было всем, не только им двоим.

Эштон вдруг кладёт свою ладонь поверх моей:

– Всё равно это лучше, чем совсем без отца! Поверь мне! – говорит негромко.

Но мне не нужны слова, этот жест, его тёплые пальцы, занимавшие пространство между моими, словно заполнив собой пустоту, поселяют во мне чувство, не похожее ни на одно из тех, какие мне уже довелось испытать. Захотелось повернуться и обнять его, прижаться к сильной груди, смешать наши энергии в одну и заполнить пустоты друг друга.

Katie Melua – Perfect World

После обеда мы решаем приготовить семейный ужин.

– А ты умеешь готовить? – спрашиваю.

– Конечно! Я вырос в Париже, детка! – Эштон подмигивает мне так искусно, что я в самом настоящем шоке. Да я вообще и не знаю этого парня, оказывается!

– И что, прям все рождённые во французской столице умеют готовить изысканные блюда?

– Ну не все, конечно.

Тут он направляет собственный большой палец на себя:

– Только сааамые способные! – и снова улыбка. Почти до ушей.

– А ты, значит, способный? Ну вот, сейчас и проверим!

– На самом деле, – признаётся Эштон, смеясь, – моя мама вечно училась и работала, работала и училась. Я большую часть своего детства был предоставлен сам себе. Нашёл однажды бабулину поваренную книгу, древнюю такую «Секреты кулинарных чудесниц Прованс», и стал экспериментировать. Первые мои шедевры не захотела жрать даже Вэнди!

– Вэнди?

– Собака моя. Ротвейлер.

– Боженьки мои, у тебя была собака!

– Почему была? Она есть.

– А почему ты не взял её с собой?

– Это было слишком сложно и... дорого.

– Подарок?

– Не понял?

– Собаку ты наверняка получил в подарок!

– Ну в каком-то смысле да: подарил сам себе. И не совсем в День Рождения.

– И что же это был за день?

– Великий День Накопления!

– Чего?! Я о таких не слышала!

– Это день, когда необходимая тебе сумма наконец-то накапливается! – торжественно рапортует Эштон.

– Это должно быть какие-то сумасшедшие деньги!

– Да: триста евро. Я копил их два года, одиннадцать месяцев и четыре дня. Когда дело было сделано, я отправился в зоомагазин и обнаружил, что щенки ротвейлеров ... упс, подорожали. Я очень расстроился, так сильно, что даже тронул своим горем хозяина магазина, и тот предложил мне уценённый товар – Вэнди.

– Что с ней было не так?

– Родовая травма – вывих бедра. Точно, как у меня. У меня тоже вывих и тоже с рождения.

– Да ладно!

– Нет, серьёзно. Мне по этой причине и спортом в детстве заниматься нельзя было.

– Слушай, тебя хиленьким ни разу не назовёшь!

Щупаю его бицепсы, и он тут же их напрягает для пушшего эффекта.

– Из тренажёрки небось не вылезает! – подтруниваю над

ним.

– Какая тренажёрка, о чём ты! Иранский овощной магазин – моя тренажёрка, а в качалке я ни разу не был.

У меня шок:

– Какой магазин?

– Слушай, ты знаешь, в Париже не так, как здесь у вас, у нас там всё больше маленькие магазинчики и лавки, как правило, на первом этаже жилых домов. Вот в нашем доме на Монмартре, где мы жили с матерью, ну она и сейчас там же живёт, прямо под домом была и есть такая лавка. Каждое утро в 5:30 они получают товар – двадцать восемь ящиков с продуктами. Видишь, какросло, и в тренажёрку не нужно!

Эштон подмигивает мне, а я пытаюсь собрать в кучу разбежавшиеся во все стороны мысли. Очевидно одно: мы с ним с разных планет.

– Я не раз была на Монмартре... и всегда с Алексом. Если бы мы только знали, Господи, если бы мы знали, – бормочу чуть слышно.

У меня чувство, словно жизнь дала обухом по голове. Не в первый раз, но от этого не менее впечатляюще.

– У вас есть сладкий перец? – тут же меняет тему Эштон, потому что моя несдержанность уже отразилась на выражении его лица.

– Думаю, да. Сейчас гляну в холодильнике.

Приношу ему перец, и он мастерски, как истинный шеф, вооружившись огромным ножом, одним из тех, которыми

мама с Эстелой никогда не пользуются, принимается рубить его.

– Ничего себе! – вырывается наружу мой восторг.

– Учись! – Эштон снова в настроении, судя по счастливой улыбке на его лице.

Быстрая перемена настроения у них с Алексом – это что-то гениальное, наверное.

– Слушай, а ты любишь путешествовать?

– Конечно! Кто же не любит?

– И где же ты успел побывать?

– В Лионе и Марселе. В Лион с классом ездили – историчка возила, а Марсель – моя персональная награда от директора школы за успехи в учёбе, – Эштон деловито поднимает брови, изображая своим гигантским ножом восклицательный знак.

– Невероятно, – только и могу выдавить я.

Столько личной информации в деталях и подробностях! Я и надеяться не могла на подобную удачу! Такой всегда молчаливый, замкнутый и отчуждённый Эштон вдруг расцвел, как майский цвет, и стал источать потоки позитива, радости и уверенности в торжестве добра над злом, солнца над тьмой, и вообще... Счастье появилось в глазах нашего нового члена семьи.

Что же его так согрело?

В тот вечер у нас был большой семейный ужин, приготовленный Эштоном и мной. Ну, если быть до конца честной,

то командовал Эштон, а я только подносила продукты и требуемые посудины. Но наш тандем сработал на славу, мама даже заявила:

– Надо вас почаще оставлять дома одних! Такое счастье – готовить не нужно!

Алекс только улыбался, широко, счастливо, так же точно, как и его сын Эштон. Да все мы улыбались в тот вечер!

История Валерии и Алекса в книгах «Моногамия» и «Моногамист»

Глава 8. Дружба

Katie Melua – Nine Million Bicycles

К вечеру среды ёлочно-гирляндная эпопея, наконец, окончена!

Это мы с Эштоном так наивно полагаем, пока мама не заявляет, таинственно улыбаясь, что отсутствие новых ёлочных игрушек – плохая примета, проявление неуважения к Новому Году, а, следовательно, санкции со стороны фортуны.

Нам ничего не остаётся, кроме как договориться о встрече в даунтауне с целью заняться совместным шопингом, ведь начатое дело нужно же доводить до конца!

– Куда именно мы пойдём? – интересуется Эштон.

– Я люблю моллы, там всегда так празднично и весело, особенно перед Рождеством!

– Хм... Может Волмарт? Там то же самое можно купить, только дешевле.

– Нет, не то же самое! Вот ни разу не то же самое! И вообще я Волмарт ненавижу, он вгоняет меня в депрессию!

– Почему это?

– Сама не знаю, просто ... просто я в молл хочу, – улыбаюсь ему, потому что вовремя не придумала достаточно веский аргумент против Волмарта.

Эштон расплывается в ответной улыбке:

– Окей. Молл, так молл. Девочкам надо уступать – так меня мама учила, – подмигивает. – Особенно маленьким!

И мы расстаёмся почти на неделю – до следующих выходных. Я считаю дни, часы, минуты до новой встречи с Эштоном, но они тянутся так долго, как ни одни дни и часы моей жизни до этого. Хуже всего в школе: мою потерянность заметили уже абсолютно все, а кто не заметил – тому донесли остальные. Кейси бесконечным потоком сыплет крамольные шуточки в мой адрес, так что мне приходится уже защищаться откровенной ложью:

– Кейс! Эштон мне брат! И именно по этой причине он не может стать объектом моих гормональных всплесков, это просто невозможно. Так что давай уже закрывай эту тему с моим первым сексом! Я скоро в школьное посмешище превращусь из-за твоих шуточек! Вот ей Богу!

Но подруга только смеётся в ответ.

Долгожданный день, наконец, приходит, и хотя с самого раннего утра я не сплю, верится всё же с трудом, что это всё-таки случится: мы увидимся снова, и не когда-нибудь, а прямо сегодня!

Выпрыгиваю из машины Стэнтона прямо на ходу, чем заслуживаю его нервные окрики и угрозы пожаловаться отцу, то есть Алексу, но мое состояние нервного перевозбуждения перед встречей с Эштоном граничит с откровенной невменяемостью. Без шапки и шарфа, с душой нараспашку обнаруживаю себя в полнейшем одиночестве на месте нашей пред-

полагаемой встречи – у главной наряженной ёлки рядом с центральным входом.

Настроение моментально падает, но не до нуля, поскольку этот рубеж ещё впереди: после пяти, десяти, пятнадцати минут ожидания. Примерно на восемнадцатой я ощутила дно своего расположения духа, обиделась сперва на Эштона, потом на весь свет и даже на свою карму. На девятнадцатой мой пытливый ум посетила мысль, что мы, возможно, перепутали входы, и мой ... в смысле, просто Эштон ожидает меня где-нибудь в ином месте, но версия быстро отпала сама собой в связи с наличием одной единственной ёлки в этом молле. На двадцатой минуте чёрный и лохматый «меняник-тонелюбит» был достаточно убедителен с версией: «Эштон просто напросто забыл ... или «забил» на тебя и весело попивает пиво со своей девушкой. Если не хуже. Всю двадцать первую минуту Эштон занимается сексом с противной рыжей девицей в моем воображении. Почему рыжей? Думаю, это наследственное – моя мать рыжих недолюбливает, и у неё есть причины. На двадцать второй, подозреваю, я бы увидела Эштона в брачном костюме и с младенцем на руках, если бы не его земная версия, несущаяся на всех парах по тротуару в мою сторону.

– Ещё раз прости за опоздание! – выпаливает мне прямо в лицо, буквально задыхаясь.

– Ещё раз?! – спрашиваю с трудно скрываемой обидой, негодованием, разочарованием и недовольством.

– Ну, я тебе сообщение отправлял ещё из автобуса, что он на двадцать минут позже приехал, и я могу опоздать!

– Из автобуса? Ты же говорил, что Алекс подарил тебе крутую тачку!

– Машина есть, прав нет. На следующей неделе у меня дорожный тест!

Я стою, открыв рот: сколько всего успела перебрать в своей голове, да просто целую жизнь прожила!

– Так нужно же было сказать! Мы бы со Стэнтоном заехали за тобой!

– Это лишнее, – отвечает с ухмылкой. – Я же не девчонка!

Я в ужасе от глупости истинной причины его опоздания, но и в радости одновременно: Эштон не забыл обо мне, не проигнорировал и уж точно не занимался сексом со своей девушкой в течение последних двадцати минут.

– Ладно, – говорю. С тебя мороженое. Итальянское, конечно же.

– Без возражений!

Эштон смотрит на меня в упор с хитрящей улыбкой, от которой я моментально таю и прощаю ему все прегрешения.

Stu Larsen – Going Back To Bowenville

Winter Aid – The Wisp Sings

Tom Francis – From Up There

Я выбираю себе фисташковое мороженое, Эштон – лимонное. Мы сидим на лавочке под натуральной елью, все ещё фантастически пахнущей лесом, горящей жёлтыми огнями,

отбрасывающими свой мягкий тёплый свет на волосы и плечи Эштона. Я разглядываю его украдкой, стараясь не выпячивать свой и без того непомерный интерес, но в такие моменты как этот, околдовывающие своей простотой и очарованием, очень сложно бывает с собой договориться.

Волосы у Эштона немного выются, поэтому его достаточно длинная челка совсем ему не мешает, подгибая свои концы ровно настолько, насколько нужно. Иногда мне приходится бороться с острым желанием запустить в них свою руку, натянуть и посмотреть, какая же на самом деле у них длина? Очень хочется! Но ещё больше хочется поцеловать его ямочку на щеке, появляющуюся всякий раз, как он улыбается...

Эштон определенно красив. И мне это становится особенно очевидным, когда проходящие мимо нас девушки широко улыбаются ему, не стесняясь показывать свои зубы. Даже взрослые женщины разглядывают его слишком подолгу и слишком пристально!

Эштон сегодня, как и всегда, одет в джинсы и серый батник – неприметную, простую одежду. Но в отличие от проходящих мимо нас заинтересованных дам, я знаю, что под ней скрываются смуглые плечи, крепкие руки, широкая грудь и потрясающе сексуальный живот, который мне уже снится по ночам...

Что происходит со мной? – задаюсь вопросом. Почему я не могу просто выбрать вместе с этим парнем новые ёлочные украшения, к чему все эти мысли о его плечах, ямочке, во-

лосах? И почему мне так стыдно?

Внезапно замечаю, как взгляд Эштона скользит по моей щеке к губам, задерживается на них... Маленькая ямочка у его левой щеки выдаёт едва заметную улыбку, он немного наклоняется, приближая своё лицо к моему, и я... перестаю дышать!

Не знаю, чего я ожидала, буквально трепеща от нетерпения, но Эштон аккуратно и очень нежно вытирает своим большим пальцем мой подбородок:

– Ты такая замарашка! – заявляет непринужденно. – Посмотри, как ты вымазалась!

Ловлю завистливый взгляд проходящей мимо брюнетки с явно приклеенными ресницами, и мне хочется плакать оттого, что ей, глупой, не известно то, что стало для меня уже очевидным: Эштон видит во мне только младшую сестрёнку, не более. Я смогла максимально приблизиться к нему, несмотря на отсутствие у нас общей крови, в отличие от Лурдес и Аннабель, лишь потому, что я больше всех старалась, и потому что в силу возраста у нас, как ни крути, более общие интересы.

Обожаю предрождественскую иллюминацию в магазинах, лавках, парках, скверах или просто в окнах обычных людей – дух и настроение праздника повсюду! Но в моллах – просто сказка! Повсюду ёлочные инсталляции, небольшие заснеженные опушки, а Санта Клаус и вовсе сидит в дремучем

еловом лесу – подходи и фотографируйся в обнимку!

С небольшим, но усилием, мне удаётся убедить Эштона сделать фото на память.

– Ох-хо-хох! Какая прелестная влюблённая парочка забрела в мой лес! – заявляет бородатый дед, вгоняя меня в краску цвета своей шубы.

– Мы вовсе не парочка! – почти выкрикиваю. – Мы ... – и долго не могу сообразить, кто же мы друг другу...

– Друзья! – помогает мне Эштон с мягкой улыбкой.

– Да! – тут же соглашаюсь. – Мы просто друзья!

– Эх-хе-хе-х! – заявляет дед, подергиваясь от смеха. – Друзья, так друзья!

Мы улыбаемся фотографу, а я долго пытаюсь понять, зачем встала наречие «просто», соглашаясь быть Эштону другом. Что? Разве бывают не просто друзья?

В молле мы долго петляем по этажам и уровням, успеваем ещё разок поесть итальянского мороженого, сфотографироваться с почти настоящим Дартвэйдером на память, купить мне новую юбку, потом симпатичную белую блузку, опять мне, пока, наконец, не находим магазин сувениров. Весь в праздничных золотых огнях, он манит меня как мёд сладкоежку своей красотой и длинными рядами полок с милыми, причудливыми безделушками. И именно в этом месте мы находим то, что искали – потрясающий набор ёлочных игрушек в виде планет солнечной системы, самого солнца, луны и галактик. Я влюбляюсь в него с первого взгляда и ед-

ва ли не визжу от счастья, потому что такая находка – большая удача!

Эштон наблюдает за моими всплесками радости со снисходительной улыбкой на губах, лишь предлагая взглянуть ещё на премилейших белочек, набор цветных колибри и семью белоснежных Северных медведей: папу с синим шарфом, маму и медвежонка.

Верчу украшения в руках:

– Слушай, а ... твоя девушка не будет злиться, что ты так много времени с нами проводишь?

– Девушка?!

– Хм... ну да, твоя...

– Почему ты думаешь, что она у меня есть?

– Ну как же... ты же пострадал в неравном бою, отстаивая честь своей дамы...

– А, это... Было дело, но она не моя вовсе.

– Папа сказал вроде, что твоя...

– Так это была информация для его ушей, чтобы не ругался слишком сильно. Там девчонка глупая, конечно, но обидели её зря, а защитить некому. Знаешь из этих, из «ботаников», – улыбается. – Пить не умеет, на вечеринке перебрала и уснула прямо на столе. Кто-то пустил нехороший слух о ней, очень нехороший. Её бедную заклевали уже все с этой историей.

– Да ты прям рыцарь, смотрю. А если то, о чем говорят, правда?

– Неправда, это точно. Я лично отнес её в свою машину, почти сразу, как она вырубилась – как чувствовал, что это нужно сделать. Поэтому честь осталась при ней, а вот слухи всё же поползли.

– А что за слух-то?

– Это не для твоих ушей – маленькая ещё!!!

С этими словами Эштон легонько щёлкает меня по носу.

– Да не маленькая я! И тоже на вечеринках бываю, мне же нужно знать, чего опасаться!

– Уверен, ты и так это знаешь. Алкоголь в больших количествах – это зло, особенно для девочек.

– А для мальчиков?!

– Для всех, но нас хотя бы не могут ... эмм... чести лишить, как вас!

– Изнасиловать, что ли?

– Да. Я просто этого слова не знал на английском.

– Это преступление! За это в тюрьму сажают!

– Вот поэтому и нельзя напиваться до беспамятства, как Филиппа!

– Её Филиппа зовут?

– Да.

– Вы дружите?

– Не то чтобы дружим, но после инцидента стали ближе общаться.

– Общаться или встречаться?

– Я ж сказал, мы не пара, никакой романтики нет, и не

было. Так, пару раз кофе выпили вместе.

– А говорили про что?

– Сонь, тебе не кажется, что ты слишком любопытна?

– Нет! Я сейчас как психоаналитик, прошупываю твою ситуацию. Просто парни слепы как кроты и часто вообще не понимают, что происходит вокруг них. Вот я бы на месте той девочки уже точно влюбилась бы в своего рыцаря. Уверена, твоя Филиппа в тебя влюблена или на подходе, а ты и ухом не ведёшь!

– Ну, не знаю! Я сделал, что должен был, и что считал нужным, а дальше уже...

– А дальше?

– А дальше посмотрим.

Эштон забирает у меня из рук коробки с украшениями и расплачивается на кассе. Но избавиться от темы разговора ему не удастся:

– Она тебе нравится?

– Ты это спрашиваешь как сестра? Как психоаналитик или как кто-то ещё?

– Как сестра, конечно. Психоаналитик тоже подходит. А что ты имеешь в виду под кем-то ещё, я не знаю.

– Ну ладно, если как сестра, то немного да, нравится.

– Она красивая?

– Нормальная.

– Блин! Ну вот что это за ответ?! Неужели нельзя решить, красивая или нет?

– Ну а откуда мне знать какие у тебя критерии красоты? Обычная девушка: две руки, две ноги, голова тоже есть.

– Какого цвета волосы? Глаза?

– Шатенка она, глаза... эмм, не знаю, кажется, зелёные...

А может и нет...

– Ну ты даёшь! Полезть в драку из-за девушки и даже не знать цвет её глаз!!!

– А что, по-твоему, нужно было сперва цвет глаз узнать, а уж потом за честь её впрягаться?

– Ой, ну всё уже, проехали! Посмотри, какое кафе классное! Давай зайдём?

– Давай.

Мы садимся на мягкие диваны у окна с видом на залив, день подходит к концу, и на горизонте, сквозь небольшие трещины в серости облаков просачивается оранжевый свет заходящего солнца.

Мы оба любимся закатом, и Эштон опять улыбается, так мягко и едва заметно, мечтательно...

В кафе почти никого нет, кроме нас, несмотря на предпраздничную суету, и этот факт вносит свою неожиданную лепту в интимность и комфорт нашего уединения.

Я заказываю себе кофе с молоком, Эштон повторяет за мной.

– Может, ты голоден? – спрашиваю. – Парни обычно заказывают себе пиво и картошку с наггетсами.

– Какие ещё парни?! Тебе же только шестнадцать! – де-

ланно возмущается мой гиперпереживательный брат.

– Мой брат Лёшка, например! – быстро соображаю, что ответить и тут же жалею, потому что ни одной даме толика загадочности и намеков на популярность у мужского пола ещё не мешала!

– А! Брату можно!

– А ты что, можно подумать, в шестнадцать ни с кем не встречался?

– Я – парень, это совсем другая история.

– Почему это другая?

– Да потому что! Маленькая ты ещё, чтобы посвящать тебя в эти вопросы!

– А папа так не считает! Мне всё давно уже известно: у вас типа потребности, и вы с ними носитесь как со священной коровой, – подмигиваю ему, стараясь казаться взрослее и умнее, чем он думает.

– Ну, раз ты все знаешь, зачем же тогда спрашиваешь? – отвечает невозмутимый Эштон, потягивая кофе из своей чашки.

Решаю, что лучшим решением в сложившейся ситуации будет смена темы беседы.

– Так может, всё-таки закажем еду и пиво?

– Только если ты хочешь есть, а я не голоден. А пиво пить в компании дамы – плохой тон.

– Мама научила?

– Конечно. Больше учить было некому.

Во взгляде Эштона мгновенно появляется жёсткость, он сжимает губы в тонкую линию и словно весь ощетинивается. Какой-то частью своего мозга я соображаю, что данный эффект вызван нечаянно затронутой темой отцовства.

– Эш? – зову его негромко, и от этого непривычного сокращения он вдруг смягчается, взгляд его делается теплее, ласковее.

– Да, Софи?

– Ты когда Алекса впервые увидел, сразу узнал его?

Эштон поднимает вопросительно брови.

– Ну, в смысле, сразу понял, что он – твой отец?

– Сразу.

– И что ты почувствовал?

– Шок.

– Почему?

– Сходство действительно потрясает. Внешнее, я имею в виду. Странно увидеть собственное лицо на двадцать пять лет старше.

– Ты не знал, что вы похожи?

– Мать говорила мне, но я не представлял, что настолько...

– А... у тебя были какие-нибудь фотографии?

Эштон долго молчит. И мне становится холодно. Чем дольше он смотрит на залив, в уже опускающуюся темноту, тем дискомфортнее мне находиться с ним рядом.

– У матери было только одно фото, и подозреваю, когда

она делала его, ей и в голову не могло прийти, что я его увижу.

Молчу, ожидая продолжения, и Эштон открывается больше:

– Мне не показывали ту фотографию – я сам её нашёл. И на ней... он просто спит. В постели. Больше ничего. Потом, когда мне было шестнадцать, мать случайно наткнулась на фото вашей семьи в журнале, и так мы узнали, где он и как живет.

– Значит, два года назад?

– Значит.

– Почему ты не приехал раньше?

– Я сделал это сразу же, как появилась возможность.

И снова в голосе металл и обжигающий холод.

– Слушай, давно хочу спросить, но не решаюсь... Зачем ты работаешь?

Эштон напрягается ещё сильнее.

– Ну, я в том смысле, что папа... Алекс... он ведь достаточно денег тебе даёт?

– К хорошему привыкаешь легко, а лишиться всего можно в одно мгновение.

– Чего, например?

– Да всего этого. Квартира, машина, бесконечные карты: банковские, клубные, куча вещей, одна дороже другой. Моей матери понадобилось бы работать лет пятьдесят и при этом ничего не есть, чтобы накопить подобную сумму. Хотя, мо-

жет и этого не хватило бы. Подозреваю, кондо, в котором я живу, стоит больше миллиона – в этом случае ни у меня, ни у моей матери совсем нет шансов. Совсем. Поэтому я стараюсь не привыкать. В любой момент... всё может закончиться так же быстро, как и началось.

– Что заставляет тебя так думать?

Эштон какое-то время молчит, и я уже почти теряю надежду получить его ответ, как вдруг он выдаёт то, что причиняет боль даже мне, не говоря уже о родителях:

– У меня нет никаких доказательств, что он мой отец. Что, если нет?

– Самое большое доказательство – твоё лицо. Никто из тех, у кого есть глаза, не имеет ни малейших сомнений в том, что у вас общие гены! – я буквально выплёскиваю на него своё негодование.

– А что, если однажды вдруг он захочет проверить? И результат окажется не тем?

– Ты так ничего и не понял, Эштон! Наша семья УЖЕ приняла тебя, ты УЖЕ вошёл в сердце каждого из нас! Неужели ты смог бы так просто развернуться и уйти, поверив каким-то цифрам на листке бумаги?

Эштон молча отводит свой тяжёлый взгляд в сторону, словно боясь повредить им меня, а я от эмоций не могу усидеть на месте:

– А Алекс? Он полжизни растит чужих детей, заранее зная, что мы ему биологически никто, и не просто растит, да

простит меня Бог, он лучший отец, чем мой настоящий, хотя и тот любит меня безмерно, но их даже сравнивать нельзя... Это не сравнимые... планеты!

– Вы – дети любимой женщины..., – Эштон произносит эти слова так тихо, что я едва могу расслышать их.

Мне сложно понять, что творится у него в душе, а что на уме – и подавно, но во мне горит обида за Алекса, и я уверенно вещаю свои соображения:

– Алекс никогда бы не отказался от тебя, это первое, а по поводу теста на отцовство я лично однажды спросила его, и он ответил, что никогда в жизни не совершит подобную жестокую бестактность по отношению к тебе, твоей матери и самому себе – это второе. Он УЖЕ принял тебя! Принял раз и навсегда! И будет любить тебя любым, запомни это, любым!

Эштон делает глоток из своей чашки, но прекрасный вид из нашего окна его больше не интересует, он смотрит мне в глаза, и постепенно его губы растягиваются в улыбке. Я понимаю, что больше мой собеседник ничего о себе не расскажет. Лимит искренности исчерпан.

– Расскажи лучше, кто именно обижает тебя в школе? – внезапно заявляет.

– Зачем это?

– Ну так я с ним разберусь! На правах старшего брата!

В один момент напряжение между нами лопается, мы оба смеёмся, шутим, делимся историями из школьной жизни и

не замечаем, как этот чудесный вечер, подаренный нам судьбой, незаметно подходит к концу.

Прощаясь, я обнимаю Эштона и с ужасом обнаруживаю, как тяжело мне оторваться от него: ни одни родственные объятия ещё не приносили мне такого удовольствия...

Глава 9. Ожидание

Nelly Furtado – All Good Things (Come To An End) (US Version)

– Я видела его, – сообщает недовольный голос Кейси вместо приветствия.

– Кого?! – сонно переспрашиваю.

– Эштона твоего!

Мой организм просыпается почти мгновенно, сознание быстро заполняет школьный шум и гам, глаза различают ядовито-розовый цвет йога-штанов подружки, сидящей на подоконнике. Не без удивления отмечаю, что она опять сняла весь свой пирсинг, который ещё вчера делал ее похожей на новогоднюю ёлку.

– Отец опять дал тебе денег? – вырывается вопрос.

– Нет. Я же говорю, видела твоего брата и...

– И...?

– И это имело своё влияние на состояние моего внутреннего мира: он расцвёл. Сейчас в моей душе – весеннее цветение сакуры, поэтому внешние атрибуты потеряли актуальность!

– Серьёзно?

– Абсолютно. Поэтому у меня к тебе дело. Когда ты увидишь его в следующий раз?

– Кого?

– Эштона, разумеется!

– Ну... он обещал прийти к нам на Рождество, то есть примерно через неделю.

– Тогда я заявлюсь к вам в гости. Можно?

– Нет! Ты опять будешь строить глазки Алексу! Ты не понимаешь...

– Всё я понимаю! Твоя мать – мудрая женщина, поверь, до таких мух как я ей и дела нет! Это просто игра, невинный флирт! Жизнь невыносимо скучна, и такие вещи делают её всего лишь менее однообразной! Кроме того, твой секси-папочка меня больше не интересует, есть кое-кто получше! – Кейси многозначительно мне подмигивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.